

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Н. В. Черникова*

«Наш век — век малодушия...» Религиозная жизнь Российской империи глазами чиновника министерства внутренних дел

Предлагаемая подборка документов представляет собой письма командированного в провинцию столичного чиновника особых поручений министра внутренних дел кн. Владимира Петровича Мещерского (1839–1914 гг.) наследнику русского престола Александру Александровичу (будущему Александру III). Кн. Мещерский в 60-х гг. XIX в. исколесил значительную часть России. Он побывал в Северо-Западном (1863–1864 гг.) и Юго-Западном (1869 г.) краях, неоднократно выезжал в центральные губернии. При этом перед князем ставились задачи ознакомления с положением дел и изучения на месте некоторых интересующих министерство вопросов. Но сам князь считал наиболее важным дать Александру Александровичу представление о российской провинции в целом.

Одним из вопросов, на которые обращал внимание Мещерский, было положение православной Церкви. Немало внимания уделял он и болезненным для религиозной жизни России проблемам, а именно взаимоотношениям православных и староверов, православных и католиков. Последнее было особенно актуально для западных губерний, где еще помнили о польском восстании 1863–1864 гг., подавляющее большинство участников которого исповедовали католицизм. Мещерского интересовал и чрезвычайно важный для западных губерний еврейский вопрос. Князь оказался весьма деятельным исследователем: он не просто отмечал для себя интересные факты, но и стремился разузнать как можно больше. Все это находило отражение в его письмах Александру Александровичу и (в гораздо меньшей степени) в статьях, регулярно отсылаемых им в «Московские ведомости».

Публикуемые письма извлечены из фонда Александра III в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 677, оп. 1, д. 894, 895). Конечно, тематика писем Мещерского существенно шире, чем вопросы религии и Церкви, поэтому в данной публикации предприняты значительные сокращения текста. Письма печатаются в соответствии с современной

* © Черникова Н. В., 2006

Наталья Владимировна Черникова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

орфографией и пунктуацией при сохранении стилистических и языковых особенностей автора. Грамматические ошибки и опiski автора (двойное написание слов и слогов, пропуск букв), не имеющие смыслового значения, устраняются без оговорок. Пропущенные и добавленные слова или части слов помещены в квадратных скобках. Даты, как в тексте, так и в комментариях, приведены по старому стилю. Документы пронумерованы составителем.

№ 1¹

Торжок, 20 марта [1867 г.]

<...> Поехал взглянуть на раскольническую моленную. По устройству совершенная церковь, иконы великолепны своею стариною. Шла служба часов Великого поста. В церкви все бабы, каждая с подушечкою, на которую [так! — *Н. Ч.*] они творили поклоны с необычайным усердием, по 30 в минуту, иные и более. Вместо попа стоял впереди один из причетников стариков, и он-то говорил вслух молитвы «Господи, Владыко живота» и т. д., но почти в каждом слове исковерканное! <...> Так как моленная и поп ее дозволены правительством в Торжке по древности этой часовни, то, желая побеседовать с попом, я просил дьячка ему передать, что буду ждать батюшку сегодня в 6 час[ов] вечера.

В 1/2 7-го приходят мне докладывать «старообрядцы», и слышу я шум нескольких голосов. Принимаю, и каково мое удивление увидеть вместо одного попа 7 человек купцов. Я их спросил: «Что вам угодно?» Они в ответ низкий поклон, а потом: «Вы изволили нашего священника требовать». Я говорю: «Не требовать, а я просил вашего батюшку пожаловать ко мне на беседу». Тогда поп вышел из этой толпы и рекомендовал себя. Я попросил его в другую комнату, а прихожан оставил в приемной. Поп оказался весьма приличной наружности, поставления Рогожского², отец Геронтий, одет в черную рясу. Он мало говорил и уверял, что, бывши однажды уже схвачен и посажен в тюрьму 3 года назад, он всего боится. Однако мы с час времени просидели, и под конец он, по-видимому, успокоился, спросил мое имя, обещал за меня молиться и пригласил еще раз посетить их часовню! Прихожан-раскольников у него немного, до 100 душ: заметно их убывает, и он сам жалуется на то, что стали уже некоторые курить табак, мало в церковь ходить и т. п. Оказалось, что эта свита была им приглашена на всякий случай, в предвиденьи, что его, может быть, захватят и, следовательно, для защиты! <...>

№ 2³

Москва, 10 апреля [1867 г.]

Засим пора обратиться и к Москве! В первый раз жизни [так! — *Н. Ч.*] видел 4-го апреля молебен на Кремлевской площади! Боже, что за зрелище, что за картина, что за слияние величия, благоговения религиозного с родными, русскими душевными чувствами! Не понимаешь, как, видевши это хоть раз в своей жизни, цари русские могут променять Кремль и Москву на холодный, бездушный и однообразный Петербург. Только здесь Россия чувствуется в ее могуществе и силе, русская старина получает значение не

мертвого преподавания истории, а жизни, здесь с гордостью русский сознает свое Отечество и содрогнется, взирая на Кремль, признать себя данником немцев или всякого другого иноземного авторитета! <...>

Второе впечатление, не менее глубокое, вынес я от свидания первый раз в жизни с Филаретом⁴! Явился к нему утром, он удостоил меня принять, и я просидел у него наедине с час времени. Вошел в комнату, где я ожидал его, согнутый, чуть двигающийся старец. Казалось, что не было в нем даже следа могучей жизни, но когда он сел и стал говорить о предметах, близких его сердцу, напр[имер] о расколе, глаза его блистали жизнью и тем светлым блеском ума, который один владычествует над его изнуренным телом! Он с недоверием смотрит на нынешние воззрения правительства на раскол и признает в них посягательство на авторитет и самобытность господствующей Церкви. И в этом отношении как не согласиться с мыслью, им оригинально высказанною: «Правительство признает лже-попов, лже-епископов, прекрасно; ну а что бы правительство сделало, если бы стали появляться лже-офицеры, лже-генералы, лже-губернаторы? Не подвергло ли оно их преследованию и суду за подлог?» Филарет сказал также: «радуюсь, что и я могу участвовать в торжестве приветствия Москвы [так! — Н. Ч.] новобрачных; боялся не дожить до этой минуты. Сколько слышу о ней, юная цесаревна с любовью отдалась русской народности и Церкви, дай Бог, чтоб оно так было, Церковь в особенности нуждается в любви!» Получив благословение на путь мой от Филарета, вышел от него полный благоговения к этому замечательному старцу!

Был в воскресенье в подворье Троицком, где он живет, у обедни! Представьте себе, что он служил обедню с необыкновенною силою и по временам голос его в самые торжественные минуты литургии становился слышным! Маленькая эта церковь полна народом до того, что нельзя шевелиться. В передних рядах все дамы московские, не только уважающие, но обожающие Филарета как святого: те дамы, из которых одна сказала ему: «Владыко, как счастливы будут наши дети и внуки». «Отчего?» — спросил Филарет. «Да как же, они будут целовать Ваши мощи!» Одна из этих дам, когда пронесли лоханку, в которой перед Херувимскою песнью он умывался, вырвалась из толпы, обмакнула платок в эту воду и стала утирать себе глаза! Но наряду с этими странностями есть прекрасные стороны глубокого уважения к священнодействующему старцу. Например, полная и в всю обедню ничем не нарушаемая тишина всей этой толпы, выражающая желание слышать слабые звуки его голоса!

№ 3⁵

Богородск, 13 мая 1867 г.

Дорогой Александр Александрович!

Какая бездна нас разделяет! Целая Европа и целый образованный мир стоят между Вами, там, где Вы ныне находитесь⁶, и между мною, в том захолустье, откуда пишу Вам сие послание! Воображаю, как Вам хорошо, в полном значении слова, как дышится свободно, как благодатно веет кругом Вас мир и полное затишье милой обстановки, и верьте, радуюсь за Вас и не

прошу несколько вообразить, как веет неблагоприятно в том городишке, куда забросила меня судьба на несколько дней. Богородск — уездный гор[од] Московской губернии, в 50 верстах от Белокаменной, на Нижегородском шоссе. Жителей в нем наберется с трудом тысячи две, каменных домиков насчитается десятка два и баста. Большая деревня и, кажись, ничего более! Кажется бы, здесь изучать нечего, а между тем, знаете ли, что такое Богородск и его уезд? Это центр громадных капиталов, местность, наполненная фабриками, Московский Манчестер, как называет его здесь уездн[ый] предводитель дворянства! Это одна весьма замечательная сторона Богородского уезда. Другая, не менее интересная: город Богородск и вся южная половина его уезда населены сплошными массами раскольников поповщинской секты⁷, крепких в своей вере, фанатиков в своих преданиях и неприступных для какой бы то ни было власти, мирской и светской. Это царство по силе и республика по безначалию и своеволию! Вот что изображают эти деревянные домишки, эти немощные улицы, этот на деревню похожий городок, именуемый Богородском!

Картина самого уезда наглядно изображает его тип: едешь по большой дороге и когда смотришь в даль полей и лесов, то видишь, как во всех направлениях ложится дым паровой трубы на синем небосклоне и как мало сквозь эти облака просвечивают купола и кресты православных церквей! Самый город в этом отношении удивляет приезжего из Москвы, привыкшего к множеству церквей: в нем одна только церковь. Зато нет дома, где бы не было раскольниковой моленной, и кругом города со всех сторон на берегу Клязьмы возвышаются громадные фабрики и высокие ее [так! — Н. Ч.] трубы! Уезд этот один из самых богатых фабриками уездов в России! Итак, посвящаю письмо сие фабрикам и расколу!

Странно будут Вам отзываться вести о расколе из родной земли там, где Вы их читать будете, но зато первая часть послания: дым паровой трубы громадной какой-нибудь бумагопрядильни сродняет Вас с Европою, и кстати Вам будет сказать: «И дым отечества мне сладок и приятен»⁸. Почти все московские тузы-кушцы имеют в Богородском уезде свои фабрики. Главнейшие из них есть: бумагопрядильни, ситцевые фабрики, шелковые, суконные и парчевые! Всех фабрик в уезде до 200! Общее число рабочих на этих фабриках до 40 т[ысяч] человек! А общий оборот всех фабрик простирается до 15 млн рублей в год, цифра, как видите, препочтенная. Богородск лет 80 уже занимает видное место как уезд фабричный. Причина этого явления — близость к Москве и изобилие лесов, следовательно, дешевизна и удобство топлива. Зато леса уничтожаются с необычайною последовательностью и быстротою: средним числом одних дров пожирают эти фабрики до 30 т[ысяч] сажень в течение года!

Фабричное дело с каждым годом растет здесь и увеличивается в размерах значительных: нет года, что не воздвигается вновь какая-нибудь громадина, вроде заведения с 1000 и 2000 рабочих. На вопрос, мною сделанный двум-трем фабрикантам из купцов, почему, они отвечали: «Помилуйте, дело выгодное, спрос большой!» Но в чем наш родной Манчестер отличается от

заморского, настоящего Манчестера? А вот в чем: различие это бросается в глаза довольно резко: Богородск находится от железной дороги нижегородской в расстоянии 14 верст, от Москвы, как я сказал, в 50, считая это расстояние по шоссе. Эти 14 верст дороги до того непроходимы весною и осенью, что нельзя ездить без опасности жизни благодаря болотам. Казалось бы, ну что стоило бы этим миллионерам-купцам провести 14 верст железной дороги для своей же несомненной выгоды и для вечного удобства уезда, когда каждый из таких купцов строит фабрику — кто на 1, а кто и на 1 1/2 млн рублей. Нет! Не тут-то было. Купец-фабрикант здешний — раскольник и старообрядец; много пройдет времени, прежде чем общественные нужды, да и его собственные, сольются под влиянием образования с их плотью и кровью. Здешние купцы — Морозовы, Шибаевы, Шелаевы, Тюляевы и т. п. — искони веков староверы, умные и крепкие умом люди, знающие свое дело не хуже всякого манчестерского фабриканта, но образования они не получили от своих отцов и не дают его своим детям. Тем не менее эти дети по целым годам живут за границею, кто в Бремене, кто в Гамбурге, кто в Ливерпуле, кто в Манчестере, но возвращаются в свой Богородский уезд теми же староверами для домашнего и общественного быта. Но зато для фабричного дела это пребывание за границею весьма важно: молодой купеческий сын изучил его и сроднился с каждою малейшею подробностью своего дела, он безвыходно сидит на фабрике, и результатом этой науки, добытой на практике, нередко бывает применение какой-нибудь новой сушильни, нового колеса и т. п., которые в итоге года изображают против другого фабриканта выгоду или барыш в несколько сот тысяч рублей. Обыкновенно такое изобретение чего-либо нового держится в строгой тайне года 2 или 3, пока соседи не добьются тем или другим способом этого секрета, а в три года, даже в год от новоизобретенной сушильни купец Тюляев, суточный фабрикант, сделался миллионером!

Итак, вот отличительные особенности здешних магнатов-купцов: образование фабричное, техническое, коммерческое их ставит в уровень, а иногда и выше всякого наиевропейского фабриканта, а образование общечеловеческое, общегражданское, общественное ставит их в уровень того крестьянского и мещанского населения, среди которого они живут. Оттого они сживаются с непроходимую проселочную дорогою и с удивительным фанатизмом держатся за все уродливые суеверия раскола! «Неужели, пробывши так долго за границею, Ваш сын останется старообрядцем?» — сказал я купцу Морозову в беседе с ним после осмотра его громадной бумагопрядильни. «На том мы и стоим, — ответил он, — дело фабричное — само собой, а вера наша — сама собой, он таким же будет, как и отец его и дед». Вот как рассуждают наши миллионеры, наши двигатели промышленности. После этого Вы поймете, почему в Богородск[ом] уезде, так близко от столицы раскол держится так упорно и так непоколебимо: все эти купцы суть главные силы раскола. Они втайне помогают тысячам раскольников, кругом их живущим, скрывая их лже-попов, лже-епископов, платя им жалованье, платя православным священникам деньги с тем, чтобы они ни во что не

ПУБЛИКАЦИИ

вмешивались. Явно же они поддерживают раскол посредством своих фабрик, куда тысячами эти раскольники приходят на работы!

Из разных отраслей фабричной промышленности в здешней местности всего лучше идут дела суконные и бумажные. Сукна в громадном количестве выдělываются для Китая, а бумажные изделия, главным образом ситцы, сбываются в Москву, в Нижний Новгород на ярмарку, в Харьков и Полтаву на тамошние ярмарки летом и затем в Ирбит на ярмарку для снабжения ими Сибири. Всех хуже идут дела шелковые, по случаю чрезвычайной дороговизны шелка на Кавказе и везде, где его разводят: вместо прежней цены 150 р. за пуд сырого шелка теперешняя цена 400 р. Причины такого возвышения цен, с одной [стороны], болезнь шелковичная, а с другой стороны перекупы более выгодные иностранными домами шелка на Кавказе, преимущественно французскими агентами. <...>

Но наравне с этими общеевропейскими великими промышленными делами идут дела другого, тайного промысла во всей так называемой Гуслиандии, т. е. южной части уезда, именуемой Гуслицами, где живут до 50 т[ысяч] раскольников. Этот промысел, весьма цветущий, есть выделка фальшивых кредитных билетов с удивительным искусством, ловкостью и успехом в сбыте и в умении скрывать себя от поисков полиции! В этом отношении по неприступности своей леса, сады и села этой местности недоступнее всяких брянских лесов; по крайней мере, таковыми они были до нынешнего года. Развитие этого промысла — явление курьезное во всех отношениях. О нем поговорю подробнее в следующем письме, ибо в связи с подробностями о здешней полиции и администрации предмет этот, так же как и вообще быт этих гуслицких раскольников, вещь весьма интересная. Несмотря на их неприступность, многое в последнее время сделано для преследования гуслицких жителей благодаря новому, отличному исправнику. К тому же могу буду [так! — Н. Ч.] к тому, что он мне рассказывал, прибавить свои собственные наблюдения, ибо собираюсь сам поехать в гуслицкие волости! А пока заключаю письмо, ибо Вам много читать среди заграничной жизни не хватит досуга! <...>

Живу здесь в доме у купца-раскольника. Он не позволяет человеку моему дотрагиваться ни до одной вещи, чтобы не опоганить ее, дескать, нечистою рукою православного, а еще хуже немца, чухонца, каковым мой камердинер есть! Вот какое гостеприимство Вам преданный испытывает!

Ваш всегда К. В. Мещерск[ий]

№ 4⁹

Владимир, 5/17 июня 1867 г.

<...> Перехожу к более оригинальным и менее раздирательным картинам быта, именно к той части Богородского уезда, о которой говорил Вам мимоходом и которая исключительно населена раскольниками! Часть эта — вся южная полоса уезда. Издавна здесь тысячами живут раскольники поповщинского согласия. Местность эта именуется Гуслицами, и нет уголка в России, где бы ни знали, что такое Гуслицы и кто такой гуслик. Гуслицы — это

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

царство, или, вернее, республика, куда до нынешнего года не смела заглядывать ни одна российская власть. Страх быть зарезанным и исчезнуть без следа искони веков воздерживал полицию от всякой попытки посмотреть поближе на то, что делается в гуслицких лесах и в гуслицких селениях. Делалось же там немало. Во-первых, издавна там укрепилось главное гнездо раскольнических движений и постоянных сношений как со всеми раскольниками в России, так и с Белокриницкою митрополиею в Австрии, где, как Вы знаете, живет лже-митрополит раскольнический Кирилл и наделяет Россию своими ложными епископами. Даже при покойном государе как-то всегда умели избегать всяких преследований и казались ангелами кротости, что происходило, во-первых, от того, что гусяки немало платили дани полиции и духовенству, а во-вторых, и от того, что они, наподобие остзейским немцам-баронам, были всегда первыми с разными адресами и протестациями [от франц. protestation — уверение, свидетельство.— *Н. Ч.*] о своей любви к царствующему Дому, что не мешало им иногда бросать камни на составителей таких адресов и чуждаться всякого закона, исходящего от главы царствующего Дома. В этом гнезде раскола жили и живут доселе раскольнические архиереи и многие из их лже-попов. Где они живут — никто не знает, но что все они там, об этом знает вся Россия. Главные занятия этих 50 т[ысяч] крестьян весьма разнообразны. Одна часть тклет разные пряжи по домам для фабрикантов и купцов большой руки в Москву, начиная от бумажной и шелковой пряжи и кончая парчою. Другая часть занимается хмелеводством: в летнее время целые деревни окружены этими садами хмеля, который доставляет каждому крестьянину до 100 р. в год выручки. Третья часть этих гусяков живет промыслом весьма оригинальным, там называемом сбирками: крестьяне на зиму разделяются на отдельные шайки и отправляются по разным губерниям просить милостыню, а кто посмелее — тот переступает порог бродяжества и делается или вором, или грабителем. Затем, набравши милостыни и наворовавши вдоволь, эти шайки препокорно возвращаются к весне домой и принимаются за полевые работы. Обычай этот установился во время оно, когда под прикрытием звания нищих раскольники могли удобнее сноситься между собою из губернии в губернию и избегать полицейского ока. Но затем из этих открытых и терпимых промыслов гусяки издавна сумели выработать себе подпольный мир тайных и недозволенных промыслов. Так, напр[имер], навык иметь дело с разными гравировальными прессами для набивки ситцев и т. п. сроднил их очень скоро с искусством делать кредитные билеты, а хмелевые сады, представляющие широкую тень и непроходимые лабиринты, навели их на мысль, что летом всего лучше эту фабрикацию кредитных билетов производить на открытом воздухе и именно в этих садах, куда никто, не знающий секрета прохода, не войдет без того, чтобы не заблудиться. Как видите, практический народ. Эта фабрикация с каждым годом развивалась и усовершенствовалась, и главный сбыт этих фальшивых билетов был Нижегородская ярмарка, где впопыхах расплат трудно было среди сотен тысяч и миллионов различать фальшивые, в особенности двадцатипятирублевые, которые

выделялись английскими прессами всего искуснее. Предание и молва всего уезда приписывает, между прочим, знаменитому дому Морозовых, ныне владеющих громадными бумагопрядильными и 20 т[ысячами] капит[ала], происхождение богатства от этого ремесла. Во всяком случае, несомненно, что Савва Морозов, глава этого дома, недавно умерший, вышел из Гуслиц и был там простым ткачом и вдруг стал со дня на день владельцем значительного капитала¹⁰.

На беду, в нынешнем году назначили нового уездного исправника, отличного и честного: он не на шутку взялся за Гуслицы и сделал через становаго два обыска, увенчавшиеся полным успехом. Но здесь-то опять натыкаешься на несостоятельность нашей администрации. В Гуслицах, если верить молве, находится до 100 ручных фабрик кредитных билетов, возле Гуслиц в Егорьевском уезде Тульской губ. почти столько же. Что значит обыск и арестование двух или трех фабрикантов? Очевидно, результатом будет только усиление осторожности со стороны гусликов и ничего более. У исправника же всего-навсего 6 полицейских солдат и тройка лошадей, а Гуслицы от Богородска в 50 верстах. Сознывая всю невозможность преследовать это зло имеющимися у него средствами, исправник просит генер[ал]-губ[ернатора], просит губернатора назначить ему хотя бы двух-трех жандармов в постоянную помощь. Ему отказывают и пренаивно говорят: найдите сперва преступников, а потом мы вам дадим жандармов, чтобы их вести арестованными. «Да с чем мне находить их, когда у меня ни людей нет, ни лошадей нет», — отвечает исправник. «Как хотите, делайте», — отвечают ему власти, и дело с концом. А между тем становой пристав, сделавший открытие и получивший за то плюху, просится на другое место, ибо ему угрожают убийством и поджогом. Что же из этого выходит? Исправник, пока еще ретивый и добросовестный, через месяца два или три, видя, что правительство и не заботится искоренять преступное ремесло делателей фальшивых денег, махнет рукою и скажет себе: «Да что я за дурак, из-за чего я бьюсь, не лучше ли мне получать с них 10 000 в год, нажить себе состояние и затем в отставку. Ведь все равно ничего не откроешь». А раскольники-гуслики в деревне, где я был, с нахальством в улыбке говорили мне: «Всех позабрал становой, никого из молодцов не оставил». Итак, вот промышленная сторона Гуслиц. Теперь перейдем к религиозной и нравственной, которая не менее интересна и не менее грустна по отношениям к ней правительства.

В каждой деревне, несмотря на запрещение закона, раскольники поставили уже по какой-то импровизированной колокольне. Колокол, правда, маленький, но все же он во всеуслышание зовет раскольников в их часовни, куда неизвестно откуда приезжает поп, облекается в ризы и служит обедню. Да иногда не один, а соборно, да и не просто соборно, а с архиереем во главе! А возле, в той же деревне, стоит, грустно и печально осунувшись, как будто стыдясь своего бытия, православная церковь. На ее благовест откликается эхо лесов, птицы в воздухе и в кои веки какой-нибудь прохожий мужик из православных. Кругом этой церкви могилки, не дерзнувшие выйти в поле, царство раскольников. Но, как будто защитившись покрывающею тенью

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

церкви, эти могилки прежних священников и их семейств, жалких пастырей без стада, обречены вместе с церковью на безлюдье и безмолвие. Был я у одного из этих бедных священников, встретил в нем симпатичного молодого человека, у которого на заре жизни крепко наболело сердце от всего, что его окружает, — от бедности, на которую его обрекает его место, от унижений и оскорблений, постоянно претерпеваемых, и, главное, от сознания своего бессилия в среде людей, где старые фанатики его забьют камнями, если он осмелится проповедовать, а молодые над ним смеются так же охотно, как над своими стариками, ибо не верят ни в Церковь, ни в Бога, а так себе живут, как вздумается. Вот здесь опять грустная сторона религиозного равнодушия нашего правительства и в особенности министерства, к которому принадлежу. Под предлогом терпимости оно дает полную свободу расколу крепнуть в своем фанатизме, а под предлогом, что молодое поколение раскольников равнодушно к этому фанатизму стариков, оно радуется этому равнодушию и безверию, называя его победою цивилизации над фанатизмом и невежеством, и ничего более, предоставляя этой бедной молодежи утопать в растлении нравов и в жизни, лишенной всяких нравственных основ и религиозных начал! Вот готовые орудия для революционной пропаганды! Избегнуть этого было бы нетрудно: стоило бы только в таких местностях, как Гуслицы, заводить школы, оставляя пока религиозные прения в стороне. Школы, куда охотно бы пошли раскольнические дети, мало-помалу разобщили бы их с грубою средою, в которой они живут доселе, и от первых шагов на пути образования, незаметно эти дети стали бы сближаться с Церковью и с обществом. Религия бы входила в их души сама собою, и затем они бы поняли, как безобразен фанатизм их отцов, обращенный только к обрядам и суеверьям! В этом я убедился при посещении школы, устроенной за монастырскою оградою знаменитым Парфением. Даже несмотря на то, что учит детей учитель из духовных, раскольнические дети стали приходить в нее и живут с православными детьми целую неделю. На вид они уже утратили это дикое и недоверчивое выражение каждого, даже малолетнего раскольника, и учатся они с большою охотою и прилежанием, хотя доселе всего лишь до 20 мальчиков в этой школе. Но что может один Парфений со своим монастырем, когда кругом до 50 000 раскольников и ни единой школы! Монастырь его среди дикого леса в Гуслицах, монахов много, постройки идут скоро и деятельно, но ни единый раскольник не переступит порога этой обители! Любопытно, что правительство выстроило в этих Гуслицах единоверческие церкви¹¹ для облегчения раскольникам перехода из раскола к православию, и что же? Раскольники, смеясь, называют эти церкви ловушками и говорят: «Скорее мы пойдем в православную церковь, чем в иноверческую [так! — Н. Ч.]», и эти единоверческие церкви стоят совершенно пустыми. Вот очерк Гуслиц! На нем, чтобы Вас не утомлять, остановлюсь, рассчитывая о Владимире писать через 3 дня. <...>

№ 5¹²

Святые Горы, 5 сентября 1868 г.

Пишу Вам из чудных, восхитительных Святых Гор под влиянием тех впечатлений, чисто поэтических, которые здесь заставляют душу испытывать что-то невыразимо приятное. Не думайте, чтоб я стал Вам описывать прелесть монастыря, играющего такую здесь роль. Слишком знаю, что Вы не охотник этих учреждений, да и я, признаюсь, не из тех, которые безусловно ими восхищаются, а, напротив, требую от монастыря слишком многого, чтобы соглашаться на его пользу. Я люблю монастырскую святыню там, где она бережет святыню истории, как Моск[овскую] Серг[иевскую] лавру. Я люблю монастырскую молитву там, где она возносится в строгом подчинении уставу и благочестивому настоятелю и соединяется с полезными для нужд общественных добрыми делами. Отчасти таков здешний монастырь. Здесь 300 монахов не смеют двигаться без воли настоятеля и работают чуть ли не день и ночь, а настоятель — человек ума и воли замечательных. Но я обещался не распространяться. В заключение позволю себе сказать Вам, что не раз говорил, когда мы так усердно спорили с Вами об этом предмете: желал бы очень, чтоб касательно вопроса о монастырях, как вопроса чисто русского, исторического, Вы бы избегали предвзятых убеждений и суждений односторонних; пусть их имеют люди легкомыслящие, но не Вы, обязанные во все русское вникать глубоко, более других щадить русские чувства и уважать, подавая тому пример, то, что народ чтит. *Le discernement dans l'appréciation* [рассудительность в оценке (фр.).— *Н. Ч.*], или, по-русски, умение при обсуждении предмета различать и обглядывать все его стороны есть свойство ума высокого и широкого. Напротив, всякое предвзятое и общее суждение есть принадлежность узкого ума, которого в Вас не признаю и из любви к Вам не желал бы никогда встречать признаки в суждениях резких и беспощадных.

Но возвращаюсь к прелести Святых Гор. Она двояка: здесь прелесть настоящего в восхитительном виде, в теплой и светлой погоде, в мире и невозмутимой тишине, веющих в каждом дыхании воздуха, в минутах и часах, когда, сидя на своем балконе, я люблюсь видом, я занимаюсь или думаю и иногда, прислушиваясь к звону монастырского колокола, вещающего о молитве многих добрых душ, вопрошаю жизнь, мною оставленную за собою, о значении ее шума и ее бесконечно разнообразных волнениях, здесь будто неведомых. Наконец, прелесть в милой и доброй хозяйке Т. Борисовне¹³, столь радушно и горячо сердцем ласкающей здесь своим гостеприимством. <...>

Вчерашний день был ознаменован здесь великим монастырским торжеством: освящением собора, строившегося 10 лет и, разумеется, при изобилии богомольцев, посещающих здешнюю обитель, построенного великолепно. Освящение совершал Харьковский архиепископ Макарий¹⁴. Говорю об этом торжестве, чтобы сказать несколько слов о нем. Лично я познакомился с ним здесь, в беседе весьма приятной и живой о Малороссии, но заочно, как русский, знал о Макарии давно по его замечательным трудам по части богословия и истории Русской Церкви. Бесспорно, он теперь — первое

светило нашего созвездия церковных иерархов и наконец-то, по похвальной мысли, пришедшей Толстому¹⁵, вызван на нынешнюю зиму к заседанию в Синод. Деятельность его как администратора в своей епархии не ознаменована никакими подвигами, ибо эта администрация епархии давно уже по всей Руси мертвое, гнилое тело, заражающее тлением все несущее в себе жизнь. Но зато Макарий замечателен тем, что его заботами введено в Харьк[овской] губ[ернии] то, что нигде не вводилось и нигде не введено: самое подробное и обстоятельное изучение епархии по приходам во всех отношениях. Наконец, об этой огромной заслуге Макария Вы, вероятно, уже слышали: он пожертвовал всю сумму, вырученную им своими учеными трудами, 100 000 р. сер[ебром], на учреждение из процентов премий для лучших сочинений по ученой части. Такое пожертвование, единственное в своем роде, ставит его наряду с самыми славными деятелями к просвещению в России.

Но к чему все эти подробности, пожалуй, спросите Вы, когда дело идет об архиепископе? А к тому, что с этими подробностями связываются мысли, по крайнему разумению моему, весьма серьезные. Одна из общественных и глубоких наших язв, без сомнения, — то забитое и униженное положение, в котором находится все наше духовное сословие. Приходский священник презирается нашим так называемым высшим сословием, или образованным сословием. Отсюда выходит следующее уродливое положение: все образованные люди в силу своего образования дают в государстве пример самого гнусного и безобразного порабощения духовенства, сословия, призванного распространять начала веры и истины в сердцах юного развитием народа. Высшее же наше духовенство, начиная с митрополитов и кончая епископами, презирается свыше. Народ и мы все видим, и, признаюсь, с немалым смущением, как отчуждены и отброшены от всякого общения с русским Двором наши же русские иерархи церковные, в силу какого-то обычая, введенного Александром I. Русский священник не смеет входить во дворец, русский митрополит не смеет просить свидания с Государем, а охраняет свою паству чрез какого-то обер-прокурора. После этого вправе ли мы обвинять архиереев в деспотизме и в том, что они живут чуждыми интересам своей епархии. Смею полагать, что, вдумавшись в этот предмет, Ваш восприимчивый и благородно направленный русский ум найдет много поводов осудить это ненормальное и уродливое отношение [к] Церкви, к главным представителям государственной жизни в России. От этого нынешнего положения, не позволяющего иерархам Церкви быть в общении с Источником Власти, происходят главным образом все те недостатки, которыми слишком часто мы все, и Вы в особенности, строго обвиняем наших епископов, ибо менее чем кто-либо они знают, что от них ожидает Государь, и государевы дети, и государевы слуги. От этой же причины происходит, например, что на кафедре митрополита Петербургского восходит всегда такое лицо, про которое нельзя было бы сказать ничего другого, как только что он ноль. От этого, наконец, происходило то, что в течение 60 лет в Синод были призываемы самые недаровитые иерархи, как бы из опасения, чтобы

ПУБЛИКАЦИИ

проблески дарований и ума епископа не дошли и до царских чертогов. Наш век — век малодушия прежде всего, скрывать этого мы от себя не должны. Мы охотно посягаем на авторитеты, и духовные в особенности, и стыдимся явно чтить какого-либо представителя церковной иерархии из опасения, чтобы нас не назвали люди мелкого ума и низкого полета церковниками, поклонниками монахов и т. п. В этом, увы, главная причина всего, о чем я говорил!

А между тем много бы выиграли наши духовные лица в значении, во влиянии и в образовании, если бы они поставлены были в те отношения к обществу, которые достойны их высокого звания и священного призвания. До этого, какие бы меры ни придумывали комитеты об улучшении быта духовенства, это улучшение останется мертвою буквою. Само собою разумеется, что пример такого изменения отношений к духовенству с целью его поднять в глазах целого народа должен приходиться оттуда, откуда так давно и доселе, увы, исходил пример совершенного презрения к нему, — от лиц, выше всех поставленных Богом в государстве. Призвание таких лиц не есть ли узнавать нужды народные? Неужели же служители Церкви и Бога, одни из всего государства и всего народа, не могут никогда собственными устами исповедовать свои нужды в том общении с Государем и миром, в каком находятся все другие сословия народа?

Но, спросите Вы, к чему здесь эти мысли, не наваял ли их монастырский воздух, расстилающийся перед моим балконом? Нет, кстати пришлось их высказать, и я их высказываю с обычною верою в Ваше участие ко всему, что говорится во имя правды и русских интересов, а главное, с обычною заботою влиять на Вас с целью и в этом готовить Вам путь к будущему царскому величию. Екатерина II не чуждалась долгой беседы с архиепископом и выслушивала иногда приходского священника. Только грубая природа Великого Петра не могла родниться с духовными потребностями Церкви; к тому же и время его было таково, что он мог не доверять духовенству в деле своих реформ. Затем узкий ум Александра I-го боялся подпасть влиянию духовенства и, чуждый всему русскому, подпал при первом же случае мистическому влиянию женщины, какова была Mme Kruedener¹⁶. Но в наше время бояться преобладающего влияния духовенства немислимо, а оставаться по рутине верным старому поверью чуждаться духовенства — недостойно ни великого народа, ни великого Государя. Его чертог должен быть доступен всякому умному человеку, а тем паче, если этот умный человек носит высокое звание иерарха Церкви, ибо и они, когда они достойны, составляют славу царствованию. Но чем заключить эти строки? Следующим: как я сказал, Макарий будет зимою в Петербурге, будет и митрополит Московский¹⁷. Пусть же Ваш молодой русский Двор покажет пример уважения к заслугам таких людей, каковы эти люди, и растопит эту мертвящую стену, разделяющую Церковь от жизни. Могу поручиться, что Вы будете прельщены Макарием, как и я был прельщен, ибо Вы не найдете в нем и атома того, что привыкли встречать в иных монахах-архиереях: это умный и необыкновенно приятный человек, с громадным знанием своего края и народа. Раза

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

два пригласите их к себе обедать, и ничего больше, и поверьте, этого довольно будет, чтобы показать обществу прекрасный пример самостоятельного воззрения на людей и на сословия! <...>

№ 6¹⁸

Село Низы Сумского уезда Харьковской губ.,
19 сент[ября] [1868 г.]

<...> Не раз приходилось мне слышать и читать о том невинном значении, которое в настоящее время имеет раскол: раскольники, с одной стороны, а передовые люди и государственные сановники вроде Валуева¹⁹ — с другой, очень усердно прикрывают этот мир словом «невежество», отвергают в нем всякий умысл и политический смысл и под этим прикрытием слагают с раскольников всякую ответственность, отстаивая притом необходимость их осыпать всеми возможными благодеяниями. Следующий случай, взятый из жизни, очень вразумительно отвечает нашим гуманным публицистам и нашим европейским государственным людям. На границе и далее в Рыльском уезде Курской губернии с Сумским уездом Харьк[овской] губ. [так! — Н. Ч.] издавна поселены весьма упорные и весьма зажиточные раскольники беспоповщинского согласия. Возле них уже в Сумском уезде есть село Водолаги с населением русским и православным до 300 душ. До 1865 года все эти крестьяне были православны и не давали ни малейшего повода к неудовольствию. В 1865 году по требованию помещика вводится обязательный выкуп²⁰ в этом селении. Крестьяне охотно соглашались, как вдруг месяц спустя бросают все свои наделы, поступившие в выкуп, и объявляют, что платить выкупных денег не будут. Начинается увещание, уговор чрез мирового посредника, исправника, священника — все безуспешно: не хотим ни земли, ни выкупных платежей. И действительно, на первый же срок не поступает ни единой копейки выкупных платежей, и земли остаются невозделанными. Губернатор предписывает ввести команду войска, исправник приезжает, чтобы произвести продажу в селе имущества на уплату платежей; крестьяне собираются каждый у своей хаты и говорят: «пускай забирают, что хотят». Едва исправник с понатыми вошел в первую хату, толпа стала сгущаться, появились мужики с дубинами, топорами и кольями; они бросились на команду и сотских. Исправник приказывает троекратно разойтись; крестьяне отвечают: «не пойдем». Раздается роковое приказание: «стреляй» — 3 выстрела в толпу, человек 5 убито наповал. Увы, только этим заставили непокорных смириться, но усмирение только было временное. Половина деревни разбежалась и нашла приют у раскольников Курской губернии. И доселе то же упорство и та же непокорность. Всякий раз, что поступает срок к платежам, исправник с командою едет в Водолаги и, окружив все село 500-ми человек, приступает к продаже хлеба, скота и имущества.

Но вот замечательные факты, идущие рука об руку. В том же 1865-м году 27 семейств этого села объявляют себя самым наглым образом раскольниками, выносят и выбрасывают из своих домов иконы и отделяются от всякого общения с приходским духовенством. В то же время несколько из

ПУБЛИКАЦИИ

домохозяев начинают заявлять себя весьма богатыми людьми; являются деньги сотнями рублей между крестьянами, и это пока они отказываются платить по 7 р. в год за выкуп. Священник прихода — весьма хороший и умный человек. Он силится бороться с новообращенными, но напрасно: ему отвечают насмешками и бранью. Таким образом, правительство и Церковь стоят перед горстью 300 крестьян во всей наготе своего бессилия. Откуда же это печальное и уродливое явление, печальное, ибо пролита была кровь, уродливое, ибо где-то в захолустье толпа людей, всегда из рода в род смиренная и кроткая, зажигается фанатизмом к расколу с дня на день и ненавистью к Церкви и власти? Из раскольничьего села — ничего более — явились подстрекатели крестьян не платить, явились невидимые могучие раскольники, щедро сыпавшие деньгами, чтобы помогать пропаганде. И вот один из тысячей образов этого *soi-dissant* [якобы (фр.) — *Н. Ч.*] невинного и безответственного раскольничьего мира.<...>

№ 7²¹

Вильна, 28 марта 1869 г.

<...> *Духовенство*. Оно здесь в всех местностях, где польское население было в силе, успело до 1863 года ополячиться до такой степени, что многие русские священники говорили лучше по-польски, чем на русском языке, переженились на польских семьях полурусских и не представляли отпора никакому пропаганде ксендзов. Муравьевская эпоха²² их отрезвила и вырвала из ополяченной среды. Священники устыдились своего прошедшего, своего бездействия и, деятельно подстрекаемые мировыми посредниками и учебным округом, взялись за русское дело весьма разумно и усердно.

Теперь священники представляют надежную русскую силу, но нуждаются в улучшении их быта, для которого ничего не сделано, в поощрении их к деятельности наградами и теплыми словами участия, а в особенности в помощи мировых посредников как русских бойцов за народность и, нераздельно от нее, за веру. При нынешнем положении есть опасность, что с ослаблением учреждения миров[ых] посредников, с паразитическим равнодушием к интересам Церкви, с усилением влияния польских помещиков и ксендзов православное духовенство будет парализовано, а потом брошено на произвол судьбы.

<...> *Народное образование*. Бесспорно и без преувеличения, можно сказать, на основании всесторонних отзывов и потому, главным образом, что Потапов²³ так ненавидит его деятелей, народное образование идет гигантскими шагами вперед и составляет самую светлую сторону русского дела. Весь край накрыт, как сетью, народными училищами. В этих училищах Бог помог князю Ширинскому²⁴, нынешнему Московскому попечителю, устроить русское образование с 1863-го года крестьянских детей на самых разумных началах. Батюшков²⁵ в течение одного года сделал чрезвычайно много в дополнение этого великого дела. Самым строгим образом следят за учителями, по большей части из духовного звания, малейшее отступление от инструкции или проявление негодности учителя влечет за собою его

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

увольнение. Дети, без разбора — католики или православные, учатся по-русски Закону Божию, в многих местах даже только у православного священника, а так, где есть ксендз, там они [так! — Н. Ч.] учат католиков, но не иначе, как в присутствии или священника, или учителя. Все дети поют русские молитвы, русские песни, поют всенощные и обедни в церквях их прихода, не исключая и католиков. Родители-крестьяне в 3 года поняли во многих местах всю пользу образования и посылают детей своих в школы с любовью и охотою. Молодечанская семинария уже снабдила двумя выпусками учителей из крестьян Западный край. Я видел их на месте обучения и поражен был прекрасными качествами этих просто развитых учителей.

Знаете ли Вы, что от образа, Вами данного для этой семинарии, и от 2-х портретов весь округ учебный от мала до велика в восторге неподдельном. Знаете ли, что Батюшков заплакал от благодарности к Вам за Вашу надпись на портрете, знаете ли, что он сказал, что одна эта надпись прибавит тысячи сил всем деятелям народного образования в этом крае, знаете ли, что Ваши имена теперь из уст в уста переходят как лозунг благовести и благословения этим честным и бескорыстным бойцам за Веру, Царя и народность!! Если делу народного образования удастся прокладывать свой путь, то, разумеется, только потому, что им руководит Божия благодать, ибо оно чисто и честно в руках умного и прекрасного человека, каковым есть [так! — Н. Ч.] Батюшков, умеющий отпарировать гневные удары Потапова. Но много и ему, и его подчиненным приходится испытывать тяжелых минут. И вот здесь, между такими людьми, надо учиться понимать русских людей и русскую честную силу! Евангелия Ваши с надписью я раздавал по 2 на школу, у мальчиков горели глаза от радости, они целовали Евангелия и целовали надписи! Мы же, то есть Батюшков и я, возвращаясь с освящения церкви на расстоянии 100 верст, в карете мы говорили о Вас. Помните двух учеников, ходивших в Еммаус, с которыми беседовал Христос по Воскресении Своем без того, чтобы они Его узнавали²⁶? Мне казалось, что мы были учениками, а среди нас была невидимо Ваша личность, приветливая и добрая, но с трудным будущим впереди. И у нас горели сердца, как у Еммаусовских учеников, любовью к Вам, любовью и к Отечеству, и мы гадали о Вашем будущем и говорили друг другу: о, если бы А[лександр] А[лександрович] мог в этой простой обстановке побывать здесь и испытать среди этих людей, русских и простых, все то, что мы испытали, это было бы перерождением всей его жизни! <...>

№ 8²⁷

Ковна, 2 апреля 1869 г.

<...> Главнейшим двигателем и деятелем не только в Ковенск[ой] губ., но во всем крае, в чередѣ врагов русского дела, есть, без сомнения, епископ Ковенский Волончевский²⁸. Личность эта в всей своей обстановке весьма замечательна во всех отношениях. Невольно, когда сравниваешь этот громадный ум, эту пройденную в течение 30 лет епископскую и ксендзовскую школу, эту ловкость, искусство и хитрость, эту науку лжи и обмана, доведенную до высоты религии, это знание не только края, но каждого лица, в нем

живущего, эту долгую практику в изучении русской администрации в лице ее прежних и нынешних представителей, то неспособных, то малодушных, то отрекающихся от своих национальных интересов из страха французской газеты, если сравнишь все это с пигмеями, призванными бороться с этим Маккиавелом [так! — *Н. Ч.*] из Маккиавелов, то, увы, понимаешь слишком ясно его силу и наше бессилие. Он все дерзает, все смеет, мы всего боимся, даже тени папы и его дешевых проклятий. Силы Волончевского весьма многочисленны и представляют правильную организацию и правильное сочетание разных функций целого политического управления. Главным образом эти силы разделяются на две главные: нравственную и вещественную. Нравственная сила заключается в следующих началах: 1) полное равнодушие к нравственной стороне своего духовенства, то есть предоставление ксендзам полной свободы для частной жизни и чисто религиозной стороны их деятельности, но 2) под условием самой строгой дисциплины в отношении политической деятельности пропаганды, где религия служит только предлогом; 3) его происхождение из жмудского²⁹ народа и вследствие этого деятельное поощрение воспитания в ксендзы преимущественно людей из народа; 4) неутомимое преследование тех же целей и той же задачи, всегда успешное ввиду постоянных колебаний и постоянной изменчивости в русском правительстве; 5) твердая решимость не делать уступок и идти даже в ссылку — в уверенности только усиливать этим фанатизм и прослыть мучеником за веру.

Но физическая сила не менее важна и значительна: 1) легион ксендзов — до 800 человек в Ков[енской] губернии, один хитрее и умнее другого и все воспитанные Волончевским; 2) его суффраган³⁰, епископ Бересневич, из дворян, посредством которого он владевает (?) в среде дворянской; 3) так называемые костельные братства, которых в губернии до 600, а в каждом братстве столько членов, сколько прихожан, то есть до 300 тысяч человек организованной воедино католической массы людей — крестьян; 4) громадные поборы, поступающие к нему и от него расходящиеся по губернии как субсидии для ксендзов, распространения тайно книг, пропаганды, вспомоществования сосланным ксендзам, ксендзам других губерний, агентам народово жонда за границею и в крае и т. п.; 5) его собственная почта по всему краю, составленная из особого учреждения — костельных нищих и призреваемых в костельных приютах; 6) наконец, вся польская шляхта, все мелкие чиновники канцелярий и дворяне помещики. Вот сила епископа Волончевского.

Спрашивается теперь, какая же сила ему противодействует? 1) Губернатор в полной зависимости от генерал-губенатора, который в свою очередь в полном распоряжении у Волончевского. 2) Министерство вн[утренних] дел, то есть департамент духовн[ых] дел иностранных исповеданий, где все от директора Сиверса³¹ до последнего столоначальника подкуплено этими иностранными исповеданиями. 3) Вице-губернатор, который здесь вновь назначен из Твери, человек прекрасный и умный, но которому министерство отказывает даже в 500 р. подъемных денег и которого ожидает быть

заваленным 20 часов мертвою перепискою губернского правления. 4) Чиновники губернатора, доселе не существующие, ибо за жалованье, им положенное, ни один человек порядочный не может идти из великоросс[ких] губерний. 5) Полиция в числе 14 человек для города Ковны, 6 человек для каждого уезда с жалованьем 200 и 300 р. 6) Священники, которые умирают вместе с народом с голода и, если кого-либо примут в православие, подвергаются ссылке и гонению. 7) Мировые посредники, из которых в Ков[енской] губернии уже пятый набор и перемещаемые с места на место, как только они начинают знакомиться с делом и приносить пользу. 8) 200 народных училищ, идущие отлично, но где обучается всего 7000 мальчиков на 200 т[ысяч] в течение зимы и где, как нередко, увы, русские учителя от горя, тоски по родине, уединенья, преследований со стороны полиции, ксендзов и т. под. или бросают все, чтобы бежать в свои великорусские губернии, или спиваются, или при скудном содержании, не свыше 200 р., променивают эту должность на другие, более выгодные, но менее полезные. 9) Наконец, до 1 млн крестьянского населения, пока еще верящего правительству, но с минуты на минуту способный [так! — Н. Ч.] обратиться в неверящего, народ, видящий кругом себя признаки торжества панства, гонения русских посредников, отстаивающих их права, тысячи русских старообрядцев, брошенных на произвол судьбы и ныне умирающие с голода [так! — Н. Ч.], видящий все свои просьбы неисполненными, увидевший проезд генер[ал]-губернат[ора] Потапова по губернии, во время которого он ни одному посреднику не дал руки, не сказал слова благодарности, ни одного крестьянина не выслушал и не спросил: хорошо ли ему, — вот что видел в последнее время народ, составляющий главную силу правительства здесь. Под силу ли такое правительству управлению могучего Волончевского? Очевидно, нет! Затем что прибавить? Не только то, что грустно и оскорбительно русскому человеку все это здесь видеть и понимать, ясно, но то, что ужасается он при мысли, какое полнейшее незнание края характеризует то управление, которое из Петербурга и из Вильны воображает себе, что управляет краем, и до того ослеплено, что называет такое управление легальным примирением с польскою народностью!

У Волончевского я присидел целый вечер: он пригласил к себе и епископа-суффрагана. Два контраста: первый — тип умного жмудяка, простого на вид, второй — тип иезуита из облагороженного аббатства. Первый говорит много о политике и смеется над религиозною стороною своего епископства: «Я бы, если был папа, позволил всем ксендзам жениться». Второй о политике ни слова, зато о религиозной казуистике, о догматах, о светских предметах сколько угодно. Первый, говоря, от избытка чувств не скрывает своих впечатлений — то весь багровеет, то засверкают глаза как у гиенны [так! — Н. Ч.], то прикусит губы, то рассмеется; второй никогда не изменяется в лице, ни в голосе, ни в движениях. Оба умны, как бесы, но каждый дополняет друг друга: первый действует, второй обдумывает и, когда нужно, умеряет пыл Преосвященного. Замечательно, что друг друга они ненавидят, ибо Волончевский представитель народного, а Бересневич — дворянского

начала, но для единой цели действуют непреклонно единодушно. Вот школа, у которой не мешало бы нам учиться, у нас не только враги, но даже друзья не умеют действовать согласно! Хотят сменить Волончевского, но знаете ли, что несомненно, так как заменит его Бересневич, последняя лесть будет горше первой, ибо пока Волончевский здесь, его действия как будто осязательны и очевидны: есть на чем основывать обвинения. К тому же элемент панский не весь на его стороне. Когда же будет Бересневич, сила его как епископа усилится неизбежно двумя элементами: 1) тем, что она будет невидима и недоступна преследованию, в особенности таких гениев, каково наше III отделение, наш Потапов и К, и 2) она будет иметь за себя все дворянство Западного края, а это сила, в соединении с гениальным иезуитством почтенного епископа сила предпочтенная.

Главные особенности проведенного мною у них вечера следующие: 1) Волончевский говорит: не мятеж, а *война*; 2) он назвал ксендза, молившегося *19 февр[аля] по-русски* в одном из приходов, *сумасшедшим* (а между тем пример этот имел уже второго подражателя); 3) он пренаивно меня уверял, что потому не мог через ксендзов помешать мятежу, что ему угрожали повешением и именем епископа-москаля; 4) не менее наивно он говорил, что самое лучшее время в крае было время Александра I, которого все любили, но никто не боялся и делали, что хотели; 5) еще более наивно он высказал мысль, что только этого «мы желаем и теперь, *и тогда будем любить Государя* и жить себе преспокойно». Вот образцы наивности, умышленно высказанной, но на которую ни я, ни бывший со мною Новиков³² не поддались и сумели ответить, яко подобает. Затем целования, шампанское и прочее, и прочее. Забыл к числу наивностей отнести следующее замечание: «здесь слишком *много* училищ и слишком *мало* ксендзов».

№ 9³³

[Киев, 1 июля 1869 г.]

<...> В последние дни моего здесь пребывания я старался вникнуть поближе в вопрос о народном образовании и, увы, должен сознаться, что ближайшее ознакомление с ним много разочаровало меня относительно Киевской губернии и вообще относительно обращения с ним высшего духовенства. В предыдущих письмах пришлось говорить о разных значащих лицах в Киеве. В нынешнем по отношению к вопросу о народном образовании приходится говорить о лицах духовного высшего круга, о которых дурно говорить всегда не хочется, ибо доселе я дерзаю держаться того твердого убеждения, что сословие выше всех других по своему серьезному образованию в России — все-таки сословие наших высших сановников Церкви, то есть епископов. Прежде всех как глава Киевской епархии играет роль в деле народного образования митрополит³⁴. Личность эта, как показывают разносторонние источники, далеко не так невинна, как кажется под видом ее дряхлой старости. Человек он добрый скорее, чем не добрый, весьма хитрый, весьма властолюбивый, но к всему этому, к сожалению, весьма отсталый и малообразованный. Отсюда истекает огромное неудобство для

всей губернии и для самого управления. Митрополит является заклятым и упорным врагом всякого нововведения, столь же упорным отстаивателем [так! — Н. Ч.] всех предрассудков старого во всем без разбора, дурно ли или хорошо это старое. Требование предания суду или отрешения от должности священника, совершившего самый бесчестный поступок, кажется ему покушением на права его Церкви. Попытка влиять на народное образование со стороны учебного округа кажется ему покушениями каких-то безбожников отнять у духовенства народные школы, и все в этом роде и в этом же духе. А между тем, не входя в сущность и глубину вопроса о народном образовании, митропол[ит] ограничивает его только двумя требованиями: чтобы мальчики умели механически читать Псалтырь и кое-как петь в церкви, а о развитии их, о грамотности гражданской, об арифметике он не признает нужным думать! Между прочими вот странное правило, им изобретенное, которое доказывает, как узко его воззрение на это дело. Если у священника в школе учится менее 10% всего сельского населения прихода, он священника прогоняет. Вследствие этого все священники набирают в школу кого только могут и в ведомостях показывают громадное количество учащихся детей, а на деле 3/4 показаны только для формы, и священник за такую ложь награждается. К дню же, когда митропол[ит] приезжает сам в школу, а ездит он по епархии ежегодно, школа наполняется еще более, даже такими, которые никогда не были в школе. Архипастырь спросит двух-трех молитвы и заставит прочитать выдолбленный Псалтырь и остается зело доволен. Он не замечает даже, что мальчик, отлично прочитавший Псалтырь, не умеет даже одного слова прочесть на том же славянском языке в Часослове³⁵, и т. д.

Причина такого воззрения странного на образование заключается, разумеется, в необразованности самого старика Арсения, который в то же время упорно, как я сказал, боролся с министром [Д. А.] Толстым, хотевшим ввести здесь народные училища с изъятием их от ведомства духовенства. Пресерьезно и пренаивно старец уверял, что с открытием первого нецерковного училища водворится царство неверия, тьмы и дьявола в виде всех возможных революционеров. Тем не менее слава Толстому. Он преодолел в борьбе, и на днях последует открытие новых народных училищ в крае и семинарии в Киеве на одинаковых основаниях с Молодечненскою.

Другая личность, не менее курьезная здесь в духовном мире, это викарий Порфирий, долго бывший на Востоке и убранный из Петербурга на том основании, что он ни с кем не умел ужиться и считал себя по уму столь высоким, что не признавал возможным подчиняться кому бы то ни было. Здесь он в том же положении относительно всех. Он поругался с А. Н. Муравьевым и в послании к нему назвал его дьяволом, нарушившим покой града Киева с той минуты, как в нем поселился. Он постоянно воюет с митрополитом и не признает его власти, воюет и с генер[ал]-губернат[ором], и с губернатором, не обращая ни малейшего внимания на их представления и сообщения. Целый день занят какими-то переводами церковных книг, отказывается служить, когда ему следует, в царские дни³⁶ в особенности, под предлогом, что в соборе дует, и в день приезда в Софийский собор [вел. кн.]

Николая Николаевича преспокойно себе оставался дома и не дал себе даже труда приказать отворить собор, возле которого он живет. Но духовенство его любит, неизвестно только, за что именно? Таковы иерархи.

Но возле, в сфере деятельности более смиренной, есть личность, резко выделяющаяся из ряда других. Это священник [Киевского] университета Фаворов. Он вступил в университет в 1859 году, в эпоху, когда неверие, невежество, грубый либерализм и все возможные проявления агитации умов закрывали доступ всякому религиозному началу. В первый же год он сумел приобрести себе такое положение, что к концу года аудитория его, прежде при других священниках безусловно пустая, наполнялась вся, и не только русскими, но многими католиками-поляками, с живым интересом слушавшими лекции, полные убеждений, простоты и глубокого смысла. Доселе этот замечательный священник удержал свое значение в университете и пользуется громадным уважением между молодежью. Беседа с ним производит отрадное впечатление: спокойствием, светлым пониманием всякого предмета и отсутствием всего похожего на педантизм, ригоризм и фанатизм он напоминает очень Янышева³⁷ и столь же симпатичен, как последний. <...>

Мой адрес все в Киев.

№ 10³⁸

Екатеринославль, 15/16 июля 1869 г.

<...> Здесь кстати вспомнить об одном лице, имевшем огромное значение в деле народного образования в губернии в начале его, то есть в самую трудную пору. Это был епископ Платон³⁹, ныне в Томск переведенный. Личность этого епископа и его история весьма любопытны. Платон сумел внушить к себе не только любовь и уважение, но и обожание всех сословий без исключений и всех представителей администрации. Земство в нем нашло самого горячего сотрудника к делу [так! — Н. Ч.] народного образования: он неусыпно и неумолимо помогал ему в самом главном, в отстранении духовенства там, где его участие в деле школ не нужно, в выборе учителей, в инструкциях священникам относительно школ, в замене дурного священника по возможности хорошим. Но кроме того, все скудное содержание свое (*жалованья он получал 600 р.* вместе с монастырскими и другими доходами) он употреблял на улучшение семинарии, на вспомоществование достойнейшим из учеников, на устройство женского духовного училища, на улучшение духовных уездных училищ и т. д. Но в то же время Платон боролся с Синодом, то есть с тем сонмом интриг, клеветы и подпольных преследований, которые творятся в канцелярии Синода и о которых, разумеется, наши члены Синода и понятия не имеют. После трех столкновений с Синодом, для Платона глубоко оскорбительных, Платон просился об увольнении на покой. Синод его просьбу не принял. Добрый старик Исидор⁴⁰, у которого Платон был некогда ректором Академии, уговаривал его не идти на покой и подчиниться Синоду во имя христианского долга смирения и любви. Платон смирился и согласился, и что же? Синод имел невообразимое бездушие назначить этого епископа в Томск,

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

а Томского [Алексия]⁴¹ против его воли перевести в Екатеринославль. Как объяснить себе такое уродливейшее из уродств? Но едва эта весть стала положительною, как случилось то, что нигде еще в России не было: все сословия, каждое отдельно, духовенство, дворянство, купечество, крестьяне и сам губернатор послали просьбы об оставлении Платона между ними. Вероятно, это еще более побудило Синод сделать свое дело, и в день, когда в прошлом году Платон должен был поехать в Томск, у него не оказалось ни чем купить простую енотовую шубу, ни чем купить себе покойный экипаж — в тарантасе он выехал. Едва только за 2 дня до отъезда об этой бедности Платона узнали, все дворяне, бывшие в городе, купцы и губернатор во главе в один день собрали около 3-х тысяч рубл. и поехали в числе трех депутатов умолять Платона принять эту сумму на шубу и на дорогу. Платон после долгих отказов согласился, но знаете, что он сделал: половину он немедленно отдал в Духовное женское училище, из другой половины половину еще отдал для бедных, и от всего ему данного осталось лишь ровно нужное на шубу. Смешно в наш век говорить и повторять такие слова, но в день его последнего служенья в Екатеринославле дети его женского училища, его Духовного мужского училища, его приюта, большие семинаристы плакали, как плачут над умершим дорогим существом. Вот как награждает Святейший Синод достойных из служителей Церкви! Утешительно только то, что если иногда царская и правительственная служба пропадает во очи [так! — Н. Ч.] этого правительства, она не пропадает в глазах общества! Нынешний бедный епископ — умный и деятельный сельский поп, грубый, но добрый! Он чувствует себя здесь в темнице, скучает по Томску, терпеть не может общества, в особенности святош барынь, попов держит в железных руках, за что они его ненавидят, но в нем нет умения проявлять свою деятельность, нет инициативы, нет способности привязывать к себе.

№ 11⁴²

Бердичев Киевской губ., 17 авг[уста] 1869 г.

Как Вы могли видеть из моего огромного послания из Белой Церкви⁴³, я уже пустил[с]я по краю. Начну с Белой Церкви и кончу Бердичевым, но вперед осмеливаюсь просить извинения за то, что и это письмо будет, вероятно, очень длинно, ибо пишу его из столицы еврейского царства!

<...> [В Белой Церкви] грустно поразили меня виденные мною ученики школы! Учитель — отставной солдат, получает 2 р. в месяц жалованье. Главный учитель — священник. Мальчик, 2 года учившийся, не умел мне сказать, что такое Дева Мария, другой не знал, что такое «Верую». В разговорах о Киевских школах узнал еще более возмутительные подробности вражды безусловной и слепой старика Арсения к всякому стороннему, самому благонамеренному вмешательству в дела народного образования. 19-го февр[аля] нынешнего года один из миров[ых] посредников предложил крестьянам из любви к царю Освободителю более принять к сердцу заботу об образовании детей своих. Говорил он, по-видимому, толково и с глубоким чувством. Крестьяне одной волости, не дождавшись конца речи,

предложили тотчас по 1 р. с двора на устройство хорошего училища и наем хорошего учителя. Вслед за тем хозяева нескольких других волостей присоединились также, и через час составлен был приговор 4 волостей о внесении 3000 рублей на училище. Когда приговор был составлен, мировой посредник сказал: «Ну, а теперь, ребята, нам следует просить у правительства позволения распорядиться этими деньгами и сделать то, что нам оно прикажет!» Что же? Посредник представил мировому съезду, съезд — губернатору, губернатор — генер[ал]-губернатору, генерал-губернатор снесся с Арсением, и через 3 месяца посредник получает предписание от генер[ал]-губернат[ора], в котором на основании предложения митрополита и доноса священника ему ставится на вид, что он будто разными насильственными мерами *вымогает у крестьян деньги на проведение своей скрытой идеи вводить какое-то особенное народное образование, отдельное от церковно-приходского*, вследствие чего собранные крестьянами деньги велено им возвратить! Это, как видите, чепуха, но чепуха весьма печальная, ибо теперь, что очень наглядно, пробудилось в народе желание образовывать своих детей — такое упорное противодействие со стороны митрополита всякому не-церковному училищу, где обучение не идет вовсе, может произвести в крестьянах охлаждение пробудившегося в них желания! Еще печальнее то, что по настоянию того же митрополита циркулярно было предписано всем мировым посредникам не только не вмешиваться в дела школы, но даже в них не входить! В 1864 году, когда я был в Киеве, был попечителем округа лютеранин Витте, теперь в Варшаве. Обозревая сельские школы, он раздавал лучшим ученикам кресты и образа. Можете себе представить, что митрополит, узнав об этом, написал к всем священникам выговор за то, что осмелились позволить детям принять крестики и образа от лютеранина, и впредь строжайше им запретил принимать таковые! Надо было надеяться, что с 1864 года старец Арсений мог бы стать потерпимее и пошире кругозором, но, увы, он стал еще уже и еще нетерпимее в своих воззрениях. Если бы дерзал что-либо советовать, то предложил бы Вам в разговоре со старцем мимоходом похвалить северо-западные крестьянские училища, о которых будто бы Вы слышали много хорошего, и затем ловко перейти к вопросу здешних школ, как бы наивно спросив его: не думает ли он, что священникам не всегда время заниматься школами при множестве своих треб. Быть может, самый невинный намек с Вашей стороны подействует больше, чем все слова Дондукова⁴⁴, попечителя и т. под.

Дорогой до Бердичева на расстоянии 90 верст я останавливался в 4-х волостных правлениях и ночевал в одном местечке в ночь с 14-го на 15-ое. Утром 15-го отправился в церковь приходскую к обедне. Там застал очень чинно и хорошо служившего молодого священника, симпатической наружности и уважаемого всеми. Пели крестьяне довольно стройно. На площади была ярмарка: там толпились все крестьяне, а в церкви были лишь крестьянки — девушки (красивых немного) в нарядных платьях, с лентами на голове, жены с головным убором в роде чепчиков, кончавшимся [так! — Н. Ч.] сзади длинною белою вуалюю, доходившею до поясницы!

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

Большая часть из них причащалась в это утро: все они набожны чрезвычайно, иные даже до странности. Так, одна девушка пошла на амвон вперед и легла перед северною дверью на пол, распростерши свои руки, и лежала до той минуты, пока ее не заставили встать. Такое лежание есть выражение наружное сокрушения! <...>

Теперь обращаюсь к Бердичеву и еврейскому царству. Приехал я в него в пятницу к обеду, поместился на квартире у одного купца-поляка на одной из двух широких улиц города. Бердичев, je Vous prie de croire [прошу Вас поверить (фр.)— Н. Ч.], имеет до 100 т[ысяч] жителей. Въезжая в него в пятницу вечером, не легко поверить этому, ибо город почти пуст! Начало шабаша — но зато картина другая поражает вас своею обстановкою: из всех окон сильный видится свет. Вглядываешься в окна и видишь множество свечей, сгруппированных на одном столе для еврейского молитвословия по случаю шабаша.

На этих 100 тыс. жителей христиан до 10 т[ысяч], евреев же 90 т[ысяч]. Из этих 90 т[ысяч] до 60 тысяч постоянного населения, а до 30 т[ысяч] постоянно прибывающего и отбывающего. Прилив еврейского населения в Бердичев имеет разные цели. Вообще для всех евреев в России Бердичев — что-то вроде столицы, что-то вроде священного места, что-то вроде их главной биржи и главного рынка и, наконец, что-то вроде главного потаенного хранилища всех еврейских беззаконий! По этому можете судить, до какой степени интересен Бердичев во всех отношениях. Узнавать его тайны можно одним только путем: в этой громадной массе евреев, несмотря на их единство и сплоченность нравственную, есть всегда несколько доносчиков из числа тех, которых уже чересчур обидел кагал (кагал — это еврейское общественное управление, составленное из уполномоченных от общества и сборщиков податей). Или есть такие личности, которых образование как бы насильно вывело из среды еврейского фанатизма и невежества и сделало их не только равнодушными, но даже враждебными ко всем уродливым традициям и суевериям еврейской ассоциации. В день моего приезда, предупрежденный о таких лицах, я успел составить себе маленькую программу вопросов и на другой день в субботу вечером уже беседовал очень долго и подробно об еврействе с одним весьма образованным молодым евреем из прогрессистов (или индифферентов).

Как столица Бердичев имеет значение для евреев того объединительного пункта, где они как бы получают главную ноту, определяющую их отношения к русскому правительству, и где в то же время они получают самые точные и верные сведения о том, как правительство высказалось в тех тысячах делах [так! — Н. Ч.], где прямо или косвенно затронуты еврейские интересы.

Как святилище Бердичев имеет еще более важное значение. Евреи вообще разделяются на три главные категории или верования: на *гассидов* или *гуссидов*, фанатических приверженцев всех раввинских учений и толкований талмуда, на талмудистов — что-то среднее между первыми и последними и признающими один талмуд, и, наконец, на прогрессистов или индифферентов⁴⁵. Бердичев есть тот центр, где сосредоточивается вся сила

ПУБЛИКАЦИИ

гуссидов и их фанатических раввинов. Здесь этой секты насчитывают до 50 т[ысяч] человек. Для поддержания этого фанатизма Бердичев имеет до 90 дозволенных и до 600 недозволенных синагог или школ, 2 типографии, печатающие все возможные религиозные фанатические народные книги, огромные склады тайно привозимых из-за границы книг толкований талмуда, расходящихся в количестве до 500 т[ысяч] экз. по Бердичеву и из Бердичева по всему краю, и, наконец, плотно объединенное сословие раввинов, постоянно посещаемых евреями приезжими, получающими от них наставления, книги, советы и в свою очередь взимающими с посетителей за это деньги.

В то же время в Бердичеве довольно наглядно обозначаются взаимные отношения этих верований и в особенности ненависть гуссидов к так называемым прогрессистам. Когда в 1867 году в память 4-го апреля прогрессисты, во главе которых стояли самые богатые еврей-банкиры, построили новую синагогу и ввели там сперва вокальную, а потом и инструментальную музыку, ненависть гуссидов дошла до крайней своей апогеи [так! — *Н. Ч.*], и на выходявших из синагоги прогрессистов бросала толпа фанатиков комки грязи и кричала самые неистовые ругательства. Религиозный фанатизм этих гуссидов и даже самих талмудистов имеет весьма серьезную сторону. Мне переводил мой собеседник некоторые места из народных комментариев на талмуд, и, признаюсь, я поражен был тем, как мало у нас знакомы с политической стороной еврейского религиозного вопроса. В этих комментариях есть места, где еврей уполномочивается не только не признавать права человека в каждом не-еврее, но не признавать ничего обязательного, а еще менее ничего святого во всем, что не-еврейские власти в местностях, где они живут, постановляют. Чем больше вреда этим не-евреям ты сделаешь, тем ты достойнее милости Божией, и т. под. Вот смысл тех увещаний, которые содержат в себе книги, в тысячах распространяемые из Бердичева между евреями. История Бердичева обнаружила два несомненных факта: участие евреев в знаменитую эпоху Барской конфедерации⁴⁶, в 1794 году, кажется, но участие на стороне поляков (Бар недалеко от Бердичева), и затем еще более несомненное участие евреев в деле повстания [так! — *Н. Ч.*] 1863 года, когда Бердичевский уезд был самым деятельным центром и жонда и шаек. Но что удивительно, это то, что еврейское участие было всегда, а в 1863 году прикрито полною безответственностью, и только некоторые из самых главных участников были тайным образом переселены в соседние губернии. Никто не смел будто бы коснуться этого населения.

Далее, Бердичев есть главная биржа и главный рынок для еврейской торговли. Самое блестящее торговое время для Бердичева было в эпоху Екатерины II и в царствование Павла I-го. Бердичев был центром громадных ярмарок, на которые приезжали купцы из Лондона, Парижа и Германии. Эти ярмарки снабжали собою товарами до 20 губерний нынешних в окружности и были чем-то вроде Нижегородской ярмарки для Запада России. Но кроме этого открытого торгового рынка славу приобрел Бердичев подземный. Это был целый мир подкопанных под городом подвалов и проходов, где были

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

громадные склады контрабандных товаров и где, кроме того, известная часть населения занималась выделкою разных вин, фальшивой монеты, фальшивых документов, ассигнаций и т. п. Все это вместе — Бердичев на земле и Бердичев под землею — делало из него громадный центр торговли и прилива огромного еврейского населения, закупавшего здесь товары и развозившего по всей Южной и Западной России. <...>

Таков внутренний смысл Бердичева! Невероятны, когда все это знаешь, отношения к нему русской правительственной силы. Противодействия всему этому миру мошенничества и политической пропаганде фанатизма и ненависти ко всему нееврейскому, постоянно поджигаемого и обновляемого Бердичевскими раввинами, по словам самих евреев-прогрессистов, можно и должно бы ожидать от русского правительства двумя путями. Один — посредством полицейской силы, другой — посредством усиленного распространения образования между евреями в самом Бердичеве. Вместо этого действительность дает самые печальные и непостижимые результаты. В Бердичеве 100 тысяч жителей, а полиции 69 человек — и где же? В еврейском городе, где каждый еврей по своему долгу мошенник? Кто поверит этому факту? Затем, что касается образования, то, как я сказал, в Бердичеве до 600 тайных синагог, вдохновляющих с детства евреев фанатизмом, а со стороны правительства — только одно уездное училище, куда два-три еврея заглядывают, и ничего более. Тогда как необходимо было бы именно здесь открыть не только одну, но две-три гимназии. Все евреи-прогрессисты стали бы посылать туда своих детей. По 50 и по 100 молодых евреев стали бы ежегодно входить в эту грубую массу народа, и лет через 10 правительство имело бы за себя до тысячи людей, воспитанных в русском духе, которые мало-помалу вступили бы в борьбу незаметную с невежеством массы и одолели бы ее! Невольно, живя в Бердичеве, задаешь себе вопрос: как же евреи в Германии говорят по-немецки, евреи в Англии подчиняются английской жизни, евреи во Франции принимают французский язык, а здесь, верите ли, есть сотни евреев, не знающих даже слова по-русски и говорящих или по-польски или на своем немецко-образном исковерканном жаргоне! <...>

Как большая часть городов юго-западного края, Бердичев принадлежит не казне, а частному владельцу, в 3/4 — Радзивиллам, а в 1/4 — княгине Чарторыжской. Оттого неурядицы и весь этот мир беспорядков и мошенничества получают несравненно большие размеры. Теперь продолжают вести дело в Киеве о приобретении всех этих владельческих городов в казну, но когда это дело, начатое уже лет 10 назад, кончится, знает один Бог!

Это одна часть бердичевской жизни. Другая часть еще менее привлекательна. Она представляет огромное население беднейших евреев, отставных солдат, мещан и тому подобных людей, числом до 20 тысяч душ, стонущих под двойным гнетом поборов. Одни сборы — в пользу владельцев города, в виде акциза с всего, что составляет существенные потребности жизни, начиная от мяса и кончая водкою; другие сборы — от еврейского кагала и коробочного управления. Коробочный сбор — есть взимание с каждой убиваемой

ПУБЛИКАЦИИ

скотины, с каждой нарезаемой птицы известной платы в пользу тех, которые берут на откуп коробочный сбор по контракту с городской Думой. Эти откупщики с своей стороны обязываются на эти деньги держать резчиков, то есть мясников, которые исключительно имеют право в городе резать скот и птиц, разделять мясо на кошерное⁴⁷ для евреев, то есть чистое, без малейшего [слово неразборчиво.— Н. Ч.], и тrefное для не-евреев, обыкновенное мясо, и затем продавать это мясо по определенной таксе. Происхождение этого коробочного сбора, как Вы знаете, имеет причину то, что евреи по своему закону могут только употреблять в пищу кошерное мясо, то есть без малейшей нечистоты. А для того, чтобы они были обеспечены в соблюдении ими этого обряда, еврейские общества выговорили себе право от правительства в городах, где они живут, заведовать всем делом мясной продажи и взамен этой монополии платить известную откупную сумму в казну, то есть в общественные городские доходы. Эти-то коробочные сборы, несмотря на все контракты, на все условия, утверждаемые министерством, служат неисчерпаемым источником злоупотреблений и неправильных поборов, всегда обрушивающихся на беднейших жителей и, напротив, служащих источником обогащения для содержателей или откупщиков коробочного сбора. Размеры этого обогащения громадны. Есть здесь евреи, которые лет 10 назад были нищими, а теперь сделались банкирами, вороча[ю]щими сотнями тысяч рублей. Одно из орудий такой метаморфозы было участие прямое или косвенное в спекуляциях коробочного сбора. <...>

В заключение два слова о достопримечательностях Бердичева. В нем был два года назад Кармелитский монастырь. В нем есть знаменитая чудотворная икона Божией Матери, в 1793 украденная из Михайловской русской церкви во время пожара этой церкви, подоженной монахами этого монастыря. Несмотря на то, что два года назад монастырь закрыт, икона осталась в костеле, и так же, как Остробрама⁴⁸, заставляет русский народ находить для себя оскорбительным такое присвоение родной их святыни в польские руки. Вы, вероятно, читали о найденной в Австрии недавно замурованной женщине в одном монастыре. Здесь при закрытии монастыря, когда начали осматривать подземные ходы, в первом же подвале найдены были два женских трупа, лежавших навзничь, в богатых шелковых, современного фасона, платьях, заставлявших предполагать, что эти несчастные были задушены и брошены в подземелье месяца два-три назад перед открытием подвала! Монахи были бледны и неподвижны, как мертвецы, от страха! Европа прокричала про одну женщину — а у нас составлен был акт, и дело предано забвению.

Другая примечательность Бердичева — это то, что в городе, где 100 т[ысяч] жителей, ни одной книжной лавки нет. Это доказывает, как много в этом городе образования. Газет на весь город выписывается до 10! Нельзя ввиду таких фактов не признать, что наша веротерпимость скорее похожа на возмутительное равнодушие к правам русской национальности, чем на гражданственную доблесть.

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

В дополнение к очерку о евреях не лишена интереса следующая особенность их религиозного и общественного быта. В среде громадного населения евреев-гусситов есть избранники, называемые цадиками. Их в крае до 10 человек. Они принадлежат к фамилии Тиверских и носят это звание по наследству прямому от отца к сыну с незапамятных времен. Эти цадики в религиозном отношении имеют значение наших Патриархов, в судебном отношении — верховных судей, в житейском быту — пророков, гадателей и врачей. Наконец, относительно положения своего они считаются верховными владыками и чем-то вроде владетельных князей. Из самых отдаленных мест в большие праздники по несколько тысяч евреев приходят на поклонение цадику в том местечке, где он живет. Сам же цадик от времени до времени разъезжает по своим духовным владениям и сопровождается свитой до 100 экипажей и толпами в сотни людей, постоянно приветствующих его криками: «Здравствуй, царь Израиля». Вечером все эта толпа зажигает факелы, а в городе или местечке, где цадик проезжает, в каждом окне еврея 3 свечи освещают его путь. Там, где он имеет ночлег, там, около дома, стража из 50 самых знатных евреев содержит ночной почетный караул. На другой день приезда все евреи являются к нему за благословением и приносят свое подаяние, не меньше 1 рубля. Богатые же до 1000 рублей. Во все время цадик принимает больных, принимает людей, нуждающихся в совете, разоренных евреев, евреев, которым грозит тюрьма, и т. под. И от каждого взяв сумму денег, дает потом ему утешение или обещает совершить чудо. Чудеса эти, при грубом невежестве и суеверии евреев, слепо верующих в своего цадика, он совершает в самых фантастических обстановках — при помощи разных своих тайных агентов, рассеянных по всему краю. Кроме того, цадик собирает к себе знатнейших из евреев на обеды в большие праздники и за этими обедами пророчествует о судьбах Израиля. Обыкновенно эти пророчества заключают в себе темные, общие фразы, весьма запутанные и непонятные, которые применяются ко всему и с жадностью принимаются евреями как пророчества замечательные! В делах тяжёбных христиан с евреями, купеческих и помещичьих даже, как еврей, так и христианин соглашаются призвать цадика судьёю и главным между ними посредником. Тогда идут они к цадику, и что цадик решит, то свято и нерушимо для каждого еврея! Доход цадика в год превышает 100 т[ысяч] рублей, но главная часть его идет на те расходы, которыми он должен оплачивать свою популярность и содержать своих агентов, помогающих ему делать фокусы! <...>

№ 12⁴⁹

Житомир, 23 августа 1869 г.

<...> Житомир после впечатлений кошмарических Бердичева показался мне маленьким раем. Но так как нет рая на земле по той простой причине, что везде есть человек, то весьма скоро вслед за первыми впечатлениями последовали и вопросы, и ответы, а с ответами и разочарование. Волынская губерния имела несчастье быть уже почти полвека гнездом

ПУБЛИКАЦИИ

самой сплошной, самой нафанатизированной польщицны. Польщицна эта имела трех главных представителей: панов, шляхту, или мелких панов, и духовенство. Большая часть панов, да и сама шляхта имели здесь предками своими чисто русских людей, сделавшихся поляками кто в XVIII, а кто в XIX веке при императ[оре] Александре I и вместе с ополячением прибавивших к своим фамилиям окончание «ский» или «ич». Шляхта же и этого не сделала: любой список шляхты какого-либо местечка представляет курьезный перечень чисто малороссийских фамилий.

При императрице Екатерине размещено было по краю много русских чиновников. Годов через 10 все эти чиновники, повыходивши в отставку, покупали себе клочки земли, затем приманивались лестными приглашениями панов вступить в сословие местных дворян. Смиранный отставной чиновничек и во сне не мог мечтать быть помещиком и дворянином с правом голоса, слюнки текли в ответ на такое предложение. И вот он получал фабрикованную дворянскую грамоту, но под одним условием: сделаться католиком и поляком, на что он и руками и ногами изъяслял полное согласие. Города как Житомир, Владимир Волынский и Новоград Волынский показывают слишком ясно, чем была древняя Волынь! Но всех сильнее ополячивало край, разумеется, католич[еское] духовенство. В этом отношении весьма любопытен и поныне еще знаменательный факт: на Волыни считается до 200 000 католиков всего-навсего. Кажется, капля в море в сравнении с 2 миллионами русских, а между тем как сильно было ополячение и как очевидна была эта сила в 450 костелах, умно епископе и 500 ксендзах. 450 костелов на 200 т[ысяч] людей — это значит по 1 церкви на 450 человек! Русских же дворян на Волыни насчитывается официально до 200, но в числе этих 200 такие, которые живут крестьянами и православны искони, а другие, которые русского имеют только звание, по вере и по чувствам совершенные поляки. <...>

В Житомире я видел в дополнение моих бердичевских жидовских впечатлений весьма интересную вещь: раввинское училище. Таких училищ два: в Вильне и Житомире. В нем воспитывается до 300 молодых евреев с целью получить высшее образование и приготовиться к избранию в раввины, то есть священники для еврейских синагог. Училище на правах гимназии, в нем 7 классов общегимназических и 3 специальных раввинских класса. К сожалению, только меньшая часть, человек 5, кончают полный курс 10-летнего учения. Большая часть не оканчивает даже полного гимназического курса. Частица из них, окончивши курс гимназии, проходят еще год педагогики и затем поступают в учителя еврейских казенных училищ. Другая частица их поступает в университеты. Мальчики чрезвычайно прилежны и способны, поступают они добровольно и почти всегда против воли отцов, которые ненавидят это училище, как ненавидят вообще все, что развивает их детей и разлучает с фанатизмом их невежества. Обучаясь на русском языке всем наукам, молодой еврей ощущает мало-помалу какую-то нравственную и умственную метаморфозу, и чем более он метаморфозируется, тем страстнее привязывается он к учению. Кончающие курс делаются

Н. В. ЧЕРНИКОВА. «НАШ ВЕК – ВЕК МАЛОДУШИЯ...»

дельными и честными людьми; не кончающие немного успевают развиться, но не изглаживают детских заветных наклонностей к мошенничеству: схваченное не в полноте образование, когда они возвращаются в прежнюю их среду, служит только к развитию в них способностей к этим мошенничествам. Почти ежедневно кто-нибудь из отцов приходит к директору училища и просит выгнать его сына! Директор спрашивает: почему? Почти всегда в ответ отец, нисколько не церемонясь, говорит: «потому что он хорошо учится и сделается не евреем, а русским!»! Все это доказывает, до какой степени образование сильно как оружие против еврейской силы невежества и фанатизма, до какой степени оно необходимо. И в то же время до какой степени, к сожалению, оно еще недостаточно сознается правительством. <...>

№ 13⁵⁰

Почаевская лавра, 8 сентября 1869 г.

Продолжаю послание мое в восхитительной Почаевской лавре, в двух верстах от австрийской границы, на высоте прелестного холма, со всех сторон окруженного зеленью, кое-где уже желтою, но в тысячах разнообразных оттенков — что-то в роде Байдарской долины⁵¹! Je me suis laissé dire [я сказал себе (фр.). — Н. Ч.], что быть в Остроге и не быть в Почаеве грешно, и вот сделал сто верст, чтобы быть здесь накануне величайшего стечения народа в этой лавре. Пишу Вам в маленьком доме, назначенном для архиерейских гостей, где ужаснейшие портреты Александра I-го, Николая I и государя с подписями свидетельствуют о том, что они здесь были, и где еще более ужасный портрет Конст[антина] Павловича с потешною надписью говорит о том, что он поставлен здесь был в дни, когда монастырь этот был униатский! В нем живет целое лето архиепископ Волынский Агафангел⁵², замечательно хороший и симпатически русский человек, но к сожалению болезненный. Несмотря на то он — главнейший двигатель и покровитель всякого русского дела; на днях все нажитые им гроши, до 10 т[ысяч] р., он пожертвовал на устройство при лавре ремесленного крестьянского училища, мысль в высшей степени практически полезная.

Солнце уже взошло. Теплое, прелестное утро. Из окон слышится как будто шум моря — это движение тысяч и тысяч народа на всей площади холма и далеко еще у подошвы его, кругом монастыря. К этому дню со всех окрестных губерний стекается сюда народ. Народ этот, в отличие от богомольцев киевских, чист и наряден. Парни-крестьяне чрезвычайно красивы, девки тоже, но малорослы. На всех чистенькие полотняные белые рубахи с вышитыми рукавами и наглядное выражение благосостояния душевного и материального. Одни лишь полешухи, жители Полесья, севера Волынской губернии, стоят всегда отдельными группками и глядят как будто угрюмо, недоверчиво и боязливо. Подойдешь к ним — они посмотрят исподлобья и отвернутся и вместо ответа промывают какой-то звук. Народ этот всегда живет в лесах, и там, в Полесье, гнет польского панства с невообразимым насилием и ужасною жестокостью подавил в нем все человеческое.

ПУБЛИКАЦИИ

Во времена оны в этой массе народа можно было встретить русских галичан из Австрии, приходивших сотнями на этот праздник. Теперь пришло их 5 человек. Почти ничем не отличаются они от крестьян здешних, но в языке их примесь польского до того сильна, что одного из них я не мог даже понять. На вопрос, почему их так мало пришло, они ответили, что их не пускают. Действительно, надзор за нашими собратьями усиливается в Галиции ежедневно. Даже русское Евангелие, если купит его в лавре, отнимут у несчастного на границе — так велик страх влечения народа к России, влечение, которое в последние годы крестьяне-галичане выражали не стесняясь. Не далее как в прошлом году несколько сотен из них пришли в Кременецкий уезд со всеми семействами и имуществом, чтобы поселиться в России. Но мы боимся всего, даже Австрии, и до того любезно их приняли, что эти несчастные должны были вернуться. Зато приходят немцы-менониты, приходят чехи-католики, мы их принимаем с распростертыми объятиями и готовы дать стократ более, чем всякому русскому православному. *Ces gueux n'en valent pas la reine!* [Этот сброд не стоит хлопот (фр.).— *Н. Ч.*].

К числу прелестей Почаева моя грешная плоть отнесла также отличный обед у Агафангела. За этим обедом беседовалось очень приятно. Много говорил он о недавно принятой мере сокращения приходов. Обобщение этой меры по всей России еще раз доказывает, как мало в Петербурге вникают в условия столь разнообразные жизни России. Здесь, в этом крае, только 5 лет назад, так же как на Западе, только что начали строить православные храмы в замену лачужек, служивших посме[ш]ищем для поляков и убогими приютами для молитв православного народа. Здесь по тому самому и речи не может быть о сокращении церквей. Не может быть речи и потому, что здешний народ особенно дорожит своею Церковью, собственной, и весьма набожен. Для него сокращение его прихода было бы чувствительнее отобрания земли. А между тем мера эта коснулась и здешнего, и Западного края. И хотя осуществление ее предоставлено архиерею в каждой губернии, но нет сомнения, что представь завтра архиерей о невозможности сократить более 10 или 20 приходов, это сочтено было бы за уклонение от исполнения правительственных мер. Узнал я также от него, что весьма чувствительно было для края приобщение дела постройки церквей к ведению министр[ерства] вн[утренних] дел и отнятие его от [П. Н.] Батюшкова. Десятки церквей стали строиться там, где издавна стояли несчастные лачужки, народ радовался и ликовал. Вдруг в один прекрасный день из-за ненависти Валуева к Батюшкову дело у него отнимается и, верите ли, десятки церквей уже начатых стоят доселе неоконченными, и народ в грустном изумлении, не зная тайны этой перемены, говорит то, что ему подсказывают: «паны не захотели, чтоб церкви строились, видно, они сильны еще». <...>

№ 14⁵³

Одесса, 21 сентября 1869 г.

Каменец-Подольск я застал в том же виде, как в 1864 году, вонючим и грязным, хотя весьма красивым издалека. Мост начинался строиться через овраг тогда, строится он и теперь. В Каменце главная забота была поближе познакомиться с тамошним архиереем Леонтием⁵⁴, весьма замечательной личностью, и постараться ускользнуть от удовольствия познакомиться с губернатором Горемыкиным⁵⁵. Первое удалось вполне, второе — не совсем. Леонтий — из редких духовных иерархов, вполне беспристрастно глядящих на нашего попа и знающих как нельзя лучше весь этот быт, доселе столь печальный во всех отношениях. Он прибыл в Каменец в 1864 году и, как говорит, застал губернию, или вернее свою епархию, в ужасном виде: иные попы не умели почти складно и развязно говорить с ним по-русски, другие творили бесчинства, коим не было числа; затем отдельные личности выдвигались из массы безукоризненно чистые. Вот их-то он и взял за деятелей реформы, поназначив из лучших благочинных, невзирая на их возраст. Годиков через 4 до 300 попов было смещено, не круто, не громко, а мирно и спокойно. Затем, дабы священник мог приготавливаться к своему знанию, он не прежде назначал священника в приход, как после трехлетнего пребывания кончившего курс в семинарии на должности сельского учителя. Не кончивших курс в семинарии в священники он не посвящал. Затем особенными стараниями своими он замечательно улучшил, очистил и облагородил самую семинарию, назначил ректора из священников, настаивал на развитии умственной общечеловеческой жизни в семинарии между молодежью, устроил при семинарии общие квартиры для учеников, дабы спасти их от нищеты и всех спутников разврата, среди к[ото]рых во всех губернских городах живут своекоштные семинаристы в ужасных трущобах и подвалах. На свои гроши устроил ремесленную школу при братстве⁵⁶ для всех бедных детей города, поставил на отличное положение училище девиц духовного звания. Словом, сделал в 5 лет все, что позволяли ему средства, весьма скудные, как Вы знаете, для наших архиереев, и сделал все это с полным отстранением всего, что составляет еще язву нашего духовного сословия, предрассудков и духовного кастового гонора в самом уродливом значении этого слова.

Леонтий — человек не старый (он сказывал мне, что Вы присутствовали на его посвящении в Каз[анском] соборе), бодрый, умный и практический. Эта-то практичность заставила его взяться за дело с толком и с пониманием нужд нашего злосчастного сельского духовенства. Но далеко еще до какого-либо утешительного результата! Быт духовенства, по словам духовенства, требует улучшения столь коренного, столь многостороннего, что меры самые благие в распоряжении одного человека не могут и десятой доли совершить того, что требует это улучшение. Еще менее, по его словам, может принести существенную пользу сокращение приходов, придуманное Толстым. Одно из двух: или смотреть на религиозную жизнь государства как на основу его быта, или не признавать ее значения. В первом случае

нынешнего количества церквей во многих местах недостаточно. Во втором случае, если не сознавать важность значения церкви для нашего народа, то можно их сокращать сколько угодно, но затем идти навстречу всем случайностям, из коих главнейшая — усиление народной безнравственности как неизбежное последствие ослабления чувства, играющего еще доселе важную роль в жизни народа, чувства привязанности к своему приходу и к своей церкви. И действительно, не странно ли время, в которое мы живем? С одной стороны, всеми мерами усиливают размеры кабаков и пьянства, как средство увеличения государств[енных] доходов, а с другой стороны, сокращают сельские приходы, как средство улучшения быта духовенства, за неимением на этот предмет государственных доходов. Вообще у нас слишком легко обходятся с таким важным предметом. Брать в пример другие государства в этом вопросе нелепо, ибо наша жизнь государства искони веков слагалась при самом тесном союзе народа с его церковью. Раскол и все его виды суть выражения этой потребности в религии для жизни народа, в религии с ее церковью и ее священниками. В светлый праздник [Пасху.— Н. Ч.] или в Петров день немислимо крестьянину не побывать в церкви и не праздновать эти дни вместе с Церковью. Что же будет он делать, когда его приход закроется? А придется ему за 10 верст идти в церковь, всегда для него бывшую чужою, да еще иногда недоступною, ибо светлый праздник выпадает в распутицу. Да еще какая должна быть церковь, чтобы вместить всех крестьян из двух-трех закрытых приходов!

Много пришлось мне в моих странствованиях видеть сельских священников. Умирающих с голода я не видел нигде, угнетенных нищетою не видел тоже нигде, но видел везде священников, нисколько не чтимых выше нашею братею, образованными людьми, чем крестьяне, или чем чтут их раскольники. Священники какие-то отверженцы общества, а не руководители его духовной жизни. При этих условиях сколько не давай им денег, они станут богаче, но ничем быт их не улучшится. Прибавится шелковая ряса, но под рясой все будет тот же сельский поп, в передней ожидающий [так! — Н. Ч.] помещика. Роль ксендза у поляков или пастора у немцев должна нам служить примером! По смыслу реформы Толстого есть надежда, что с прекращением касты священнической, то есть перехода прихода по наследству от отца к сыну или дочери, и с возможностью всякому поступать в священники явится свежий, новый элемент духовного сословия. Но спрашивается, на роль пария или отщепенца, которая есть роль сельского священника, кто пойдет из порядочных людей? Никто, при нынешних отношениях образованных высших сословий к духовенству! А если никто не пойдет и лучшие молодые люди из семинарии станут поступать на светские поприща, гнушаясь ролью священника, что будет пользы от сокращения приходов, и не будет ли угрожать другая опасность горше первой — опасность дефицита в священниках? Уже в нынешнем году у Леонтия лучшие семинаристы бросили духовное звание и отправились в университет!

Присутствовал я также на освящении одной сельской новой церкви и вынес там самое мрачное впечатление. Я уже писал Вам о том, что делается

с церквами с тех пор, что они отняты были у Батюшкова и отданы к нам в министерство. Можете себе представить, что новая каменная церковь, которая освящалась 1) треснула уже месяц назад и 2) при населении 700 душ этого села едва может вместить 200. Другое грустное впечатление вынес я от отсутствия на скромном торжестве мировых посредников. Леонтий сказал мне, что есть, увы, уезды, где посредники либерализм свой проявляют презрением к церкви и к священникам. Он мне показывал дело, где на просьбе священника о возвращении отобранной у церкви земли один из посредников осмелился собственноручно написать: «отдать ослам». Питаю надежду, что такого мерзавца Донд[уков] выгонит немедленно!

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 170 об. – 171 об.
- ² Рогожское кладбище с конца XVIII в. было центром московской общины старообрядцев-поповцев. К середине XIX столетия в его ограде помимо 3 часовен находились приют для призреваемых, сиротский дом, училище для «рогожских подкидышей», дом умалишенных, приют для приезжающих, несколько женских обителей, здания кладбищенской конторы и канцелярии, богатая библиотека и ряд частных домов, владельцы которых жили в них во время говения. Число прихожан кладбища насчитывало несколько десятков тысяч.
- ³ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 202–204.
- ⁴ Свт. Филарет (Дроздов Василий Михайлович) (1783–1867) – митрополит Московский и Коломенский.
- ⁵ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 209–214, 215–216 об.
- ⁶ Письмо застало Александра Александровича в Дании, где он отдыхал с женой, но уже 17 мая он выехал в Париж, где пробыл до 30 мая, после чего вернулся в Данию.
- ⁷ Кн. Мещерский имеет в виду старообрядцев-поповцев, сохранивших учение о церковной иерархии и семи церковных таинствах.
- ⁸ Фраза Чацкого из пьесы А. С. Грибоедова «Горе от ума».
- ⁹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 227–232 об.
- ¹⁰ Пересказываемые Мещерским слухи не подтверждаются последними исследованиями. О возвышении семьи Морозовых см.: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917. М., 2004. С. 47–52.
- ¹¹ Богослужение в единоверческих церквах совершалось по обрядам и книгам, принятым у раскольников, однако существенным отличием таких церквей от старообрядческих молельных домов было принятие их прихожанами подчинения, в иерархическом отношении, православной Церкви. Единоверческие приходы, появившиеся в России с 1788 г., были подведомственны местному епархиальному архиерею, который и ставил для них священников.
- ¹² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 417–418, 419 об. – 422 об.
- ¹³ Татьяна Борисовна Потемкина (1797–1869), урожденная княжна Голицына, статс-дама, тетья В. П. Мещерского.
- ¹⁴ Макарий (Булгаков Михаил Петрович) (1816–1882) – богослов и церковный историк; академик Императорской Академии наук (1854); епископ Тамбовский и Шацкий (1857–1859), архиепископ Харьковский (1859–1868), архиепископ Литовский и Виленский (1869–1879), митрополит Московский и Коломенский (1879–1882).

ПУБЛИКАЦИИ

- ¹⁵ Толстой Дмитрий Андреевич, граф (1823–1889) — обер-прокурор Св. Синода и министр народного просвещения (1866–1880), министр внутренних дел (1882–1889).
- ¹⁶ Баронесса Варвара Юлиа Крюденер, урожденная Фитингоф (1764–1825) — известная проповедница мистицизма, в 1815–1821 гг. близка императору Александру I, который неоднократно с ней советовался.
- ¹⁷ После смерти митрополита Филарета (Дроздова) в ноябре 1867 г. митрополитом Московским и Коломенским был назначен известный просветитель Сибири и Дальнего Востока епископ Камчатский Иннокентий (Иван Евсеевич Вениаминов) (1797–1879).
- ¹⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 894, л. 441–442.
- ¹⁹ Валуев Петр Александрович, граф (1815–1890) — министр внутренних дел (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1879), председатель Комитета министров (1879–1881).
- ²⁰ По Положению 19 февраля 1861 г. крестьяне получали личную свободу, но оставались обязанными своим помещикам оброком и рядом других платежей и отработок до выкупа ими своих земельных наделов. Срок выкупа определен не был и зависел от добровольного соглашения крестьян и помещика. Однако по желанию помещика выкуп мог стать для крестьян и обязательным, но в этом случае помещик терял право на дополнительные платежи и соглашался ограничиться только выкупной ссудой.
- ²¹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 16–18 об.
- ²² Муравьевская эпоха — время генерал-губернаторства в Северо-Западном крае Михаила Николаевича Муравьева (1863–1865), подавившего польское восстание 1863–1864 гг. и проводившего здесь политику русификации.
- ²³ Потапов Александр Львович (1818–1886) — Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор (1868–1874), сторонник примирения с поляками.
- ²⁴ Ширинский-Шихматов Александр Прохорович, князь (1822–1884) — помощник попечителя и попечитель Виленского учебного округа (1857–1864), попечитель Киевского (1864–1867) и Московского (1867–1874) учебных округов.
- ²⁵ Батюшков Помпей Николаевич (1811–1892) — тайный советник, попечитель Виленского учебного округа в 1868–1869 гг., брат и издатель произведений поэта Константина Николаевича Батюшкова.
- ²⁶ Евангелие от Луки, 24, 13–32; от Марка 16, 12–13.
- ²⁷ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 27–29 об.
- ²⁸ Волончевский Матвей Казимир (1801–1875) — католический епископ Тельшевской епархии, много способствовавший просвещению жмудско-литовского народа.
- ²⁹ Жмудь — русское и польское название одного из древних западнолитовских племен, сохранивших свою самобытность в обычаях и народном творчестве вплоть до начала XX в. Так же называлась и одна из областей Ковенской губ.
- ³⁰ Суффраган — в католической церкви то же, что в православной викарий, — заместитель и помощник главного представителя кафедры.
- ³¹ Сиверс Эммануил Карлович, граф (род. в 1817 г.) — в 1856–1876 гг. — директор Главного управления духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.
- ³² Директор Ковенской гимназии.
- ³³ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 58 об.— 61.
- ³⁴ Арсений (Феодор Павлович Москвин) (1797–1876) — духовный писатель, с 1860 г. — митрополит Киевский и Галицкий.
- ³⁵ Часослов — богослужебная книга, предназначаемая для чтецов и певцов; включает неизменяемые молитвословия ежедневных церковных служб.

- ³⁶ Царские дни — годовщины восшествия на престол и коронавания царствующего императора, а также дни рождения и имени императора, императрицы, наследника, его супруги и других членов императорской фамилии. В эти дни в церквях служился особый молебен.
- ³⁷ Янышев Иоанн Леонтьевич (1826–1910) — богослов и писатель, ректор Петербургской Духовной академии (1866–1883), придворный протоиерей, с 1883 г. — духовник царской семьи.
- ³⁸ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 85 об.— 87 об.
- ³⁹ Платон (Павел Алексеевич Троепольский) ([1820?]-1876) — епископ Екатеринославский и Таганрогский (1864–1868), Томский и Семипалатинский (1868–1876).
- ⁴⁰ Исидор (Яков Сергеевич Никольский) (1799–1892) — митрополит Киевский (1858–1860), Новгородский, Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 1860).
- ⁴¹ Алексий (Александр Александрович Новоселов) (1813–1880) — епископ Томский и Семипалатинский (1867–1868), затем Екатеринославский и Таганрогский.
- ⁴² ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 109, 113–121а.
- ⁴³ Дондуков-Корсаков Александр Михайлович, кн. (1820–1893) — Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор.
- ⁴⁴ Белая Церковь — местечко Васильковского уезда Киевской губ., владение Браницких.
- ⁴⁵ Говоря о гуссидах (гассидах), Мещерский имеет в виду хасидизм (гасидизм) — мистическое движение, возникшее в XVIII в. и распространившееся главным образом среди малообразованного еврейства Украины. В отличие от талмудистов, для которых главным в иудаизме являются догма и обряд, хасиды, выдвигая на первое место само переживание веры, провозглашали, что человек спасается через веру, а не через религиозное знание. Они верили в существование взаимодействия между Богом и человеком, доходящего до возможности для праведника (цадика, от евр. zaddik — праведник) влиять своими словами и действиями на божественные сферы. В отличие от раввина цадик никогда не выступал как толкователь религиозных текстов, оставаясь руководителем и оракулом в житейских делах. Через него можно было добиться исполнения желаний и благ и даже достичь спасения души. Для этого, по убеждению хасидов, нужно было только верить в его силу как посредника между Богом и обычными людьми. Вторым условием для получения помощи цадика были денежные приношения, которые давали святому мужу возможность не отвлекаться от созерцания Божества. Из этой веры возникло поклонение цадикам, звание которых со временем сделалось наследственным и привело к образованию нескольких «династий», причем по мере увеличения числа цадиков области их деятельности дробились, становясь все более мелкими. Наибольшее распространение хасидизм получил в 1-й половине XIX в., но уже со 2-й половины столетия, по мере развития среди русских евреев просветительного движения, у него появляется серьезный противник в лице новой еврейской интеллигенции («прогрессистов», по терминологии Мещерского), получившей европейское образование и начавшей борьбу против могущества цадиков.
- ⁴⁶ Создание Конфедерации (чрезвычайного союза) в г. Баре (на Подолии) связано с решением сейма Речи Посполитой (1768 г.) об уравнении в правах с католиками так называемых диссидентов — православных и протестантов. Решение это было принято под нажимом прорусской партии, и его противники собрались в Баре, чтобы защитить самостоятельность Польши и все старинные привилегии шляхты. Конфедерация вступила в сношения с иностранными государствами, набрала войска и начала военные действия, но вскоре была разбита русской армией, введенной на

ПУБЛИКАЦИИ

территорию Речи Посполитой по просьбе ее правительства для подавления мятежа. В 1772 г. конфедерация распалась.

- ⁴⁷ По закону Моисея, евреи могли есть только чистое (кошерное) мясо, т.е. мясо парнокопытных животных (коров, овец, коз). Причем их туши должны быть полностью обескровлены.
- ⁴⁸ Остробрамская икона Богородицы названа так по местонахождению — в часовне над так называемыми Острыми воротами («Остра Брама») в Вильне. До конца XVI в. она принадлежала православному Троицкому монастырю. В начале XVII в. монастырь (а вместе с ним и икона) перешел в руки униатов, а в 1671 г. — к католическим монахам-кармелитам. В 1829 г. икона была подновлена в католическом духе.
- ⁴⁹ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 122 об. — 123, 127–127 об.
- ⁵⁰ Там же, л. 137 об. — 139 об.
- ⁵¹ Байдарская долина находится в Крыму между Севастополем и Ялтой и представляет собой продолговатую котловину, со всех сторон окруженную покрытыми лесом горами.
- ⁵² Агафангел (Алексей Михайлович Соловьев) (1812–1876) — архиепископ Волынский (с 1868 г.), духовный писатель.
- ⁵³ ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 895, л. 145–148 об.
- ⁵⁴ Леонтий (Иван Алексеевич Лебединский) (1822–1893) — епископ (с 1873 г. архиепископ) Подольский и Брацлавский (1863–1874).
- ⁵⁵ Горемыкин Александр Дмитриевич — полковник, Подольский губернатор в 1866–1869 гг.
- ⁵⁶ Мещерский имеет в виду Иоанно-Богословское братство для помощи учащимся.